ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

101

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

101

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА В РОССИИ

(1914 — февраль 1917 г.)

В. Я. Лаверычев

В общем балансе внутренней и внешней торговли в России в предвоенные годы сделки по различным продовольственным товарам занимали значительное место. Продовольственное снабжение страны обеспечивалось рядом отраслей пищевой промышленности (мукомольная, сахарная, маслобойная и пр.). В торговле продовольствием накануне войны существовали кратковременные примитивные соглашения посредников и скупщиков, сосредоточивавших в своих руках товары, предназначенные для рынка, и обеспечивавших таким путем свое монопольное положение. Среди подобных спекулятивных соглашений выделялись «брестский и висленский «ринги», киевский и петербургский мясные синдикаты, а также союз южных прасолов» [1]. В торговле продовольствием, особенно при экспорте хлеба, все большее значение приобретали банки, превращавшие крупных хлебных торговцев в своих комиссионеров [2]. Такая важнейшая и наиболее организованная отрасль пищевой промышленности, как сахарная, еще в довоенные годы относилась к числу полностью монополизированных. Господствующий в ней монополистический союз сахарозаводчиков действовал «под контролем «государства» (т. е. чиновников, услужающих капиталистам)» [3]. В сахарной промышленности действовала вполне сложившаяся государственно-монополистическая организация [4]. В мукомольном производстве также наблюдались тенденции к централизации, в частности выразившиеся в проектах учреждения (в начале 1912 г.) Всероссийского мукомольного банка и в попытках проведения в законодательном порядке нового положения о Всероссийском съезде мукомолов [5]. Объединительные процессы были присущи также и маслобойной промышленности соледобыванию, винокуренному производству и др.[6]

В годы войны процесс монополизации ведущих отраслей пищевой промышленности и торговли продовольствием протекал еще более интенсивно и сочетался с дальнейшим развитием государственно-монополистических тенденций.

Естественно, что эти вопросы в той или иной степени привлекали внимание советских историков, касавшихся некоторых

сторон монополизации продовольственного дела в России в годы войны [7]. Однако имеющаяся литература содержит случайный и ограниченный материал. Она не дает представления ни о закономерностях, ни об особенностях развития государственно-монополистических органов, возникших в пищевой промышленности и торговле продовольствием. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВСЕГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА ПРИ ЦАРИЗМЕ

Война радикально повлияла как на направления товарных потоков, так и на всю организацию продовольственного дела в стране. Традиционные мировые экономические связи были фактически разорваны. Огромное количество хлеба, обычно направлявшегося за границу, осталось в России. В то же время мобилизация в армию миллионов людей повысила спрос на продовольствие на внутреннем рынке, требовала переброски его по новым направлениям, увеличивая загруженность железнодорожного транспорта, и без того испытывавшего недостаток подвижного состава. Низкая пропускная способность железных дорог и нарастающее расстройство транспорта, вызывая затруднения в снабжении потребляющих центров, создавали условия для спекуляции и роста дороговизны в стране. Однако в первые месяцы войны правящие верхи этой опасности не придавали особого значения, а возможно, и не осознавали ее. Они были обеспокоены другой проблемой. Резкое сокращение вывоза при избытке товарного хлеба в стране, по их мнению, могло вызвать падение цен, что должно было затронуть интересы крупных землевладельцев, зависящих от посредников и перекупщиков и стоящих за ними коммерческих банков. Опасения, что банки без промедления используют выгодную конъюнктуру рынка в своих интересах, предопределили исходные позиции правящих верхов при организации продовольственного дела. Последовательно защищая позиции своей социальной опоры — помещиков-землевладельцев, самодержавие отвергло предложения представителей крупнейших банков о передаче им снабжения страны и армии предметами первой необходимости. По признанию воротил финансового капитала, «банки по обычаю немедленно же были заподозрены не в добрых намерениях, а в стремлении к наживе и встретили в своих благих намерениях самый суровый отпор» [8]. Совет министров еще на заседании 30 июля 1914 г. признал желательным приступить к закупке хлеба для нужд армии непосредственно от производителей. По предложению А. В. Кривошеина, возглавлявшего Главное управление землеустройства и земледелия, 1 августа

Совет министров возложил эту операцию на его ведомство. Было признано целесообразным закупки производить через земские, сельскохозяйственные и кредитные учреждения [9]. На местах вся эта работа практически сосредоточивалась в руках местных уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия по закупке хлеба для армии. В состав приемных комиссий при уполномоченных наряду с представителями ведомств вошли представители, избранные земствами и буржуазными общественными организациями. Принцип представительства «общественности» был выдержан и при назначении самих губернских уполномоченных. В числе их имелось 3 члена Государственного совета, 7 членов Государственной думы, 20 представителей земских управ, 4 председателя биржевых комитетов и 5 представителей правлений железнодорожных обществ [10].

Организация широкого спроса на товарный хлеб путем государственных его закупок дополнялась системой государственного кредита землевладельцам и почти повсеместным его прекращением для торговцев. Общая сумма ссуд Государственного банка землевладельцам под хлеб на 1 января 1915 г. составила почти 50 млн. руб.[11] В официальных правительственных изданиях эта мера получила очень высокую оценку. «Государственный банк предотвратил массовое выбрасывание хлеба на рынок в самый неблагоприятный для этого момент и создал необходимые условия для позднейшей более выгодной реализации урожая» [12].

Отмеченные выше два фактора оказали благотворное влияние на рыночную конъюнктуру в интересах помещиков. А. В. Кривошеин в речи на первом заседании Особого совещания по продовольственному делу утверждал, что в течение первого года войны, «несмотря на отсутствие вывоза, хлеба, заготовляемые для казны, не отличались резко по цене и в общем превышали средние за пятилетие продажные цены» [13].

Представители крупнейших петроградских банков, критикуя в начале 1916 г. организацию продовольственного дела, создававшуюся с августа 1914 г., утверждали, что банки и торговые организации были устранены от продовольственного снабжения [14]. В этом заявлении при известной доле истины содержится очень большое преувеличение. Дело в том, что в течение первого года войны регламентация заготовки продовольствия осуществлялась исключительно при закупках для нужд армии и касалась лишь меньшей части товарного зерна. Большая часть рынка продовольственных продуктов в производящих губерниях первоначально совершенно не регулировалась, а затем подвергалась местным регламентациям, которые не могли сколько-нибудь серьезно ограничить и ущемить всевластие банков и крупного капитала в хлебной торговле. Именно здесь, на вольном рынке, деятельность банков развернулась во всю ширь, давая полные основания для

утверждений об организации ими спекуляции хлебными продуктами. Так, на совещании уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия 3 февраля 1915 г. нижегородский уполномоченный, крупный капиталист Д. В. Сироткин, настаивая на предоставлении уполномоченным права реквизиций, заявлял: «Различного рода спекулянты занимаются сейчас скупкою овса и держат его в своих руках, ожидая поднятия цен. Деятельную помощь спекулянтам в этом отношении оказывают частные банки...» [15]. На официальных заседаниях государственных органов открыто указывалось, что банки давали подтоварные ссуды своим агентам, которые задерживали подвоз и повышали цены, что особенно активно этим занимались Сибирский и Русский для внешней торговли банки [16].

В действительности об устранении частного торгового аппарата из сферы торговли продовольствием не было и речи. Неверно говорить и о том, что закупки для армии проводились без участия торгового аппарата, действовавшего ранее на хлебном рынке. Уже в конце 1914 г. для торговцев был даже восстановлен кредит Государственного банка. А. В. Кривошеин прямо указывал, что только через торговцев-посредников и можно собрать «крестьянское» зерно. Он заявлял: «Я вижу, однако, невозможность во многих случаях устранить многочисленный класс торговцев-посредников, раз они обладают нужными средствами для собрания, очистки и сушки зерна... Обращаясь по этому поводу к опыту истекшего года, я не могу не упомянуть о крупных результатах работы целого ряда торговых домов Поволжья и портового района, биржевых деятелей русских хлебных центров в Рыбинске, Самаре и Нижнем, предоставившим свои организации для помощи ведомству по закупке, хранению и перевозке водою хлеба» [17].

В кампанию 1915/16 г. из общего количества 487 033 тыс. пуд. закупленного хлеба 50% было получено от торговцев. Крупные землевладельцы продали лишь 18%. Теперь, когда началась вакханалия спекуляции, они совершенно не были заинтересованы в казенных поставках и по возможности их избегали. Непосредственно от крестьян было закуплено 15% хлеба и 17% через кооперативы [18].

Что же касается регулирования продовольственного снабжения в местах потребления (таксировка цен, ограничение вывоза и пр.), то Совет министров еще 23 сентября 1914 г. признал необходимым дать указание о том, чтобы установление цен происходило при содействии местных биржевых комитетов или торговцев, занятых в этой отрасли торговли [19]. Всероссийский союз городов, фиксируя сложившуюся практику, признавал, что «таксы составляются и пересматриваются комиссиями в большинстве случаев при ближайшем участии и по указаниям самих

торговцев». На деле таксы не ограничивали, а лишь фиксировали фактическое движение рыночных цен [20].

«Борьбы» с частным торговым аппаратом, следовательно, в действительности не было. Если и предпринимались некоторые ограничительные акции по отношению к торговцам и банкам, то лишь в той степени, в которой они призваны были обеспечить общегосударственные интересы и интересы крупных землевладельцев. Именно в этих пределах (создание силы, ограничивающей монополию коммерческих банков в хлебной торговле) в правительственных кругах допускалось развитие инициативы земств и буржуазных общественных организаций, что позволяло объединять и координировать усилия крупной русской торговой буржуазии, действовавшей в продовольственном деле независимо от крупнейших петроградских банков, тесно связанных с иностранным капиталом.

К исходу первого года войны вопросы продовольственного снабжения в царской России приобрели чрезвычайную остроту. Главный комитет по продовольственному делу, созданный в марте 1915 г. во главе с министром торговли и промышленности, не только не смог осуществить каких-либо позитивных мер по организации продовольственного дела, но даже не имел представления о положении на местах [21]. Продовольственный кризис в стране неуклонно нарастал. В крупнейших потребляющих центрах усиливалась дороговизна и все ощутимее становился недостаток продовольствия. Административные регламентации местных рынков не давали положительных результатов. Обостряющийся продовольственный кризис становился одним из важнейших факторов, предопределявших незревание в стране революционного кризиса. Это заставляло и правительство и крупную буржуазию вновь и вновь обращаться к разрешению продовольственного вопроса, выдвигать и обсуждать различные проекты организации продовольственного дела, общая направленность которых вела в сторону повышения роли банков и предпринимательских союзов.

При организации продовольственного дела все большее значение к этому времени приобретают расхождения трех наиболее заинтересованных сил: дворян-помещиков, крупных петроградских банков и торгово-промышленной буржуазии центра страны, опиравшейся на буржуазно-помещичьи общественные организации, возникавшие в годы войны (Земгор, Согор, Земсоюз, ВПК). Планы последней группировки в организации продовольственного дела являлись как бы составной частью требований, выдвинутых в более общей форме «Прогрессивным» блоком. В известной степени их выразило еще совещание по экономическим вопросам при Главном комитете Всероссийского союза городов, происходившее 11—13 июля в Москве. Оно признало необходимым создать специальный продовольственный орган на правах министерства во

главе с лицом, пользующимся «общественным доверием». Совет этого органа предполагалось укомплектовать в равном количестве из представителей администрации и буржуазных общественных организаций [22].

Царизм, сделав отдельные частные уступки буржуазно-оппозиционным кругам, отверг требования «Прогрессивного» блока. Столь же мало он прислушался и к пожеланиям национальной буржуазии в сфере решения продовольственного вопроса. Вместо Главного продовольственного комитета 17 августа 1915 г. было создано «Особое совещание по продовольственному делу», в которое вошли по семь представителей от Государственного совета и Государственной думы и по одному представителю от Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов [23]. Однако в Совещании, вся деятельность которого имела сугубо чиновничье-бюрократический характер, они играли второстепенную роль. Решение принципиальных вопросов продовольственной политики сосредоточивается в новых чрезвычайных органах. Сначала таковым становится «Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом» (совещание пяти министров). Затем появляется «Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Ни в то, ни в другое совещание представители буржуазии не имели прямого доступа [24].

Хотя в конечном итоге банковские круги и торгово-промышленные организации буржуазии чем дальше, тем больше имели возможность оказывать влияние на направление продовольственной политики царизма, а еще более — на повседневную практическую деятельность, и те и другие выражали недовольство существующим положением и предлагали свои проекты регулирования продовольственного снабжения. При этом представители петроградских банков упор делали на нецелесообразность введения твердых цен и сосредоточения мер по регулированию продовольственного снабжения населения и армии в руках административных учреждений и общественных организаций. Они возражали против «отстранения» от дела торговцев-специалистов, заявляя, что это убивает свободную торговлю [25]. Руководители же буржуазных общественных организаций (Согор, Земсоюз и пр.) осенью 1915 г. указывали на необходимость «возможно полнее использовать частную торговлю и частные торгово-промышленные организации при условии подчинения их требованиям общественного интереса» [26].

Настоятельная потребность в серьезном изучении и рассмотрении вопросов организации продовольственного дела в правительственных и буржуазных кругах обусловливалась тем, что сама жизнь все сильнее и настойчивее выдвигала проблему организации продовольственного снабжения не только армии, но и

всей страны в целом. Комиссия по дороговизне Особого совещания по продовольственному делу 25 января 1916 г. довольно бурно обсуждала вопрос об основаниях реорганизации всего продовольственного дела в стране. При этом показательно, что чиновничье большинство членов комиссии (Н. Н. Покровский, Г. Б. Глинка, А. Д. Оболенский и др.) считали невыполнимой для правительства и государственных органов задачу обеспечения снабжения продовольствием всего населения страны в целом, ибо эту задачу выполняет «веками налаженный аппарат свободной торговли с ее богатством людей, средств, и профессиональных знаний». Противопоставление большинством комиссии деятельности частного торгового аппарата задачам государственного регулирования снабжения продовольствием выглядит нарочито искусственным. Искусственность такого противопоставления становится особенно очевидной при сравнении точки зрения большинства комиссии с программой, предлагаемой меньшинством, фактически возглавлявшимся П. Б. Струве и В. Г. Громаном. В их предложениях указывалось, что «правильная организация продовольственного дела в империи возможна при настоящих условиях только на началах правительственной регламентации снабжения населения продовольствием. Это не значит, что все дело снабжения должно перейти в руки государства, а частная торговля будет совершенно устранена; таковая должна быть сохранена, но под руководительством и надзором государства» [27]. Позиция меньшинства была еще в конце декабря 1915 г. изложена в особом мнении П. Б. Струве к журналу частного совещания по борьбе с дороговизной [28]. Более детально этот план разработал В. Г. Громан. Его доклад на экономическом совещании при всероссийском союзе городов 3 января 1916 г. получил положительную оценку. Затем его одобрил съезд уполномоченных 25 губерний по продовольствию, состоявшийся в Москве 3—5 января 1916 г. В идентичных постановлениях совещания и съезда указывалось: «Частные торговые предприятия и торговые организации (биржи) не должны быть отстраняемы от дела товарообмена. Но деятельность их должна быть подчинена общественному интересу в форме выполнения требований продовольственных органов в порядке пунктов 1-го и 2-го ст. 10 Положения об Особом совещании» [29].

Трудно поверить, что большинство членов Комиссии по дороговизне всерьез убеждали друг друга в невозможности для государственного аппарата выполнять задачу продовольственного снабжения в полном объеме. Даже частичное выполнение этой задачи потребовало привлечения, как мы уже убедились, к продовольственному снабжению предпринимательских и общественных организаций буржуазии, кооперативов и пр. Истина эта не требовала доказательств. По существу же речь шла о другом: о

нецелесообразности расширения и укрепления позиций частного торгового аппарата в связи с дальнейшим развитием государственного регулирования продовольственного снабжения. Если мнение меньшинства отвергалось, то отнюдь не по причине теоретической несостоятельности. Путь, предлагаемый меньшинством, был уже известен, в более совершенных модификациях он осуществлялся в крупнейших капиталистических странах. Знали о нем и в правящих верхах царской России. Показательно, что именно в это время Министерство финансов предложило представителям коммерческих банков обсудить вопрос о желательности отмены или изменения некоторых постановлений, «стесняющих их торговые операции в продовольственном деле». В своем ответе, подготовленном на совещании в начале февраля 1916 г., банки брали на себя «обязанность закупки всего необходимого для продовольствия населения и армии количества продуктов на местах производства». Далее в ответе, подписанном представителями Русско-Азиатского, Петроградского частного коммерческого и Петроградского учетного и ссудного банков, заявлялось: «Для выполнения этой задачи банки, объединившись между собой, составили бы из торговых организаций, находящихся в сфере их влияния, распределительные синдикаты с лимитированной прибылью, действующие под надзором правительства и обязанные перед ним отчетностью». Выдвигая это предложение, банки ссылались на опыт Германии: «Такая организация явилась бы некоторым подобием организации германской, но, по мнению Совещания, еще целесообразнее было бы для правильной и более легкой постановки дела, для более легкого контроля со стороны правительства и для избежания возможных на банки нареканий — всецело придерживаться германской, т. е. на время войны при помощи банков и с их участием для каждой отдельной отрасли продуктов первой необходимости образовать отдельные общества из крупных торговых фирм данной специальности. Прибыли этих обществ лимитировать и поставить их деятельность под надзор правительства». Предлагая свой план закупочных принудительных синдикатов, совещание представителей банков выражало глубокое убеждение, что «такие синдикаты достигли бы гораздо быстрее и лучше желаемых результатов, чем все уполномоченные, союзы, совещания и пр. вместе взятые» [30].

Указание на неэффективность и беспомощность существующей организации продовольственного дела было явно нацелено не только в адрес правительственных кругов, но и крупной торговой буржуазии и связанных с ней общероссийских буржуазных общественных организаций. Кстати сказать, именно в это время в позиции «национальной», или «московской», буржуазии, опиравшейся на буржуазные общественные организации, намечается тенденция к сближению с петроградской банковской груп-

пировкой и по продовольственному вопросу. Более или менее определенно впервые она проявилась на II съезде ВПК в конце февраля 1916 г. Резолюция съезда по продовольственному вопросу провозглашала необходимость немедленной реорганизации правительства на началах «ответственности» перед народным представительством и требовала создания «мощной общественной организации, ведающей всем делом продовольствования армии и населения». По предложению бюро съезда, в резолюцию было сделано добавление, снимавшее с банков обвинение в спекуляции и содержавшее указание на целесообразность привлечения банков и частной торговли к организации продовольственного снабжения [31].

Демонстративное оправдание банков от обвинений в спекуляции явилось важным шагом на пути сближения и укрепления сотрудничества двух основных и наиболее авторитетных группировок российской буржуазии. В дальнейшем обсуждении нового плана организации продовольственного дела, проходившем в Центральном ВПК, представители петроградских банков уже принимали деятельное участие. Они не отказывали складывающейся организации в кредите, но обусловливали его обязательной легализацией всех звеньев новой системы [32].

В органе московских капиталистов — газете «Утро России» эта линия получила дальнейшее развитие. Отвергая огульные обвинения банков в спекуляции, возражая против проекта предоставления министру финансов особых прав по контролю за банками, газета заявляла: «Нам кажется, чтобы держать в легальных пределах два-три зарвавшихся банка, не нужно и опасно вручать министру финансов столь большую власть» [33].

Тем не менее основная организаторская работа все же велась вокруг плана, выдвинутого на II съезде ВПК. Задачи и цели новой организации, ее предполагаемая структура были обстоятельно охарактеризованы на заседании бюро Центрального ВПК 17 марта 1916 г. М. М. Федоровым — будущим председателем Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу. Руководство всей коммерческой деятельностью должно было осуществлять правление, состоящее из сведущих лиц по различным отраслям торговли. Наряду с правлением создавалось Центральное статистическое бюро, которому предстояло «поставить производство учета продовольственных продуктов». На местах предполагалось открытие соответствующих отделений организации. В первую очередь это касалось «производительных» центров — сахарного, мясного, соляного, мукомольного и др. Отделениям предстояло объединить представителей местной торговли, городских и земских учреждений, ВПК и пр. «При этих отделах также создаются маленькие справочные бюро, которые будут состоять в контакте с московской главной

закупочной конторой и осведомляют последнюю о размере запасов, ценах и т. п.» Далее М. М. Федоров продолжал: «Когда все это будет налажено, Центральный комитет обратится с призывом ко всем торговым людям о том, чтобы они содействовали работе комитета путем уступки складов для хранения продуктов, переотправки их, а затем распределения по районам потребления». Оборотные средства на закупку продовольствия в размере около 100 млн. руб. организаторы комитета рассчитывали получить от земств и городов [34].

Однако осуществление плана продвигалось вперед крайне медленными темпами. Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу фактически начал создаваться лишь летом 1916 г. в соответствии с проектом, окончательно одобренным на съезде Союза городов. В него вошли, хотя он так и не был легализован, тесно связанные с банками члены Совета съездов представителей промышленности и торговли и Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства. Несмотря на это, новая организация не смогла занять сколько-нибудь заметного места как в политической жизни (на что также рассчитывала московская буржуазия), так и в практической деятельности по продовольственному снабжению [35]. До Февральской революции она так и не вышла из стадии организационно подготовительной работы и за рамки создания т-ва «Снабжение», ставившего перед собой весьма ограниченные задачи. После же февраля 1917 г. подобная организация оказалась просто излишней [36].

Бесплодность и бесперспективность экономической стороны плана новой организации еще до революции стала совершенно очевидной. Обусловливалось это тем, что московские торгово-промышленные круги все же больше связывали с ней свои политические планы, почти не работая над экономическим обоснованием намечаемых практических мер, а представители петроградских финансовых кругов, открыто не высказывая отрицательного отношения, основную ставку делали на иные планы и проекты. Именно в то время, когда проходили совещания по организации Центрального продовольственного комитета (май 1916 г.), в банковских кругах продолжались разработка и обсуждение других проектов организации продовольственного дела, полнее и последовательнее обеспечивающих их руководящую роль. Суть не меняет и тот факт, что среди петроградских банков по этому вопросу существовали определенные разногласия. Одна группа их высказывалась за создание монопольного торгового товарищества по закупкам. Другая склонялась к менее эффективным способам сотрудничества с правительством путем оказания услуг предоставлением сил своих отделений, осведомленности и знания рынка. В этом случае воздействие банков на государственный

аппарат имело бы не столь явный, а более завуалированный характер. О единых исходных позициях обеих банковских групп свидетельствует тот факт, что вторая точка зрения не получила одобрения и банки объединились вокруг идеи товарищества. Оно должно было создать, опираясь на военно-торговые комитеты, звенья торговой организации на местах, «центральный орган для закупок, на основании частного устройства, т. е. с прибылями, но с лимитированием этих прибылей определенным процентом» [37].

Сам план создания и использования военно-торговых комитетов свидетельствовал о дальнейшем сближении позиции банковских кругов Петрограда и соперничающей с ними крупной буржуазией центра страны.

Идея военно-торговых комитетов, предложенная Русской экспортной палатой, была одобрена на чрезвычайном съезде представителей биржевой торговли и сельского хозяйства в конце апреля 1916 г.[38] Съезд проходил под явным влиянием представителей буржуазных общественных организаций. В докладе М. М. Федорова на съезде развивалась идея объединения торговых кругов и буржуазной общественности в организации продовольственного снабжения. Такое объединение, по мнению докладчика, должно «будет способствовать освобождению торговцев от обвинений в мародерстве». Министр земледелия А. Н. Наумов в приветственной телеграмме высказывал пожелание, чтобы «съезд нашел средство к участию торговли в совместной работе с правительственными и общественными органами, призванными к делу снабжения продовольствием армии и населения» [39].

Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли в редакционной статье тоже высказался за создание военно-торговых комитетов [40].

Мысль о создании военно-торговых комитетов, поддержанная петроградскими финансистами, получила признание и в московских торгово-промышленных кругах. Московский областной ВПК 25 июня созвал совещание, которое высказалось за организацию таких комитетов при условии их взаимодействия и сотрудничества с Центральным комитетом общественных организаций по продовольственному делу. Однако бюрократическому проекту Российской экспортной палаты лидеры московских организаций противопоставили свой проект, для подготовки которого была создана специальная комиссия [41]. 22 июня 1916 г. состоялось совещание для разработки проекта военно-торговых отделов ВПК. Эти отделы, преследующие цель объединения только торгового класса, рассматривались в качестве вполне готовых организаций для центрального продовольственного органа [42].

Однако всем этим планам также не суждено было осуществиться. Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства в конце лета 1916 г. снова обсуждал проект

Российской экспортной палаты и признал, что «при выработке проекта палатою, не было, по-видимому, принято в достаточной мере в соображение существующее положение вещей». При этом Совет прямо указывал на существование Особого совещания по продовольственному делу, специальных комитетов при Министерстве торговли и промышленности, на создание Особого комитета по борьбе с дороговизной и появление Центрального продовольственного органа общественных организаций. Поэтому Совет выразил сомнение по поводу целесообразности создания новых организаций и предложил еще раз обсудить вопрос с участием представителей российских биржевых организаций в Центральном комитете общественных организаций по продовольственному делу [43]. К осени же 1916 г. банковские круги стали продвигать иные проекты организации продовольственного дела, ибо в правительственных верхах обсуждалось предложение министра торговли и промышленности о создании торговых палат, объединяющих предпринимательские торговые организации в единую систему, действующую под наблюдением правительственных органов. Последнее мало приближало буржуазию к желательному для нее решению, так как права капиталистов ограничивались весьма жесткими рамками мелочных регламентаций. К тому же правительство не спешило с осуществлением проекта министра торговли и промышленности.

Рассмотренные проекты торгово-промышленной буржуазии и планы петроградских банков не встречали достаточно положительного отклика в правительстве. Царские чиновники по-прежнему все усилия сосредоточивали на совершенствовании казенно-бюрократической регламентации продовольственного дела. Создается «Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла» (3 июля 1916 г.) во главе с председателем Совета министров Б. В. Штюрмером. Для усиления контроля за деятельностью буржуазных общественных организаций, занимавшихся решением продовольственного вопроса, задумывается и готовится передача всего продовольственного дела из Министерства земледелия в Министерство внутренних дел, возглавлявшееся тем же Штюрмером. В это же время в Министерстве внутренних дел создается Особый комитет по борьбе с дороговизной [44]. При проведении этих мероприятий обсуждались даже проекты всеобщей мобилизации торговли казенно-бюрократическим путем [45]. К этому же времени относится, видимо, первоначальная разработка проекта положения о верховном начальнике и состоящем при нем чиновничье-бюрократическом Главном комитете по снабжению армии и флота и населения империи продовольствием и фуражом. В качестве такого верховного начальника, наделяемого диктаторскими правами в продовольственном деле, назывались вел. кн. Дмитрий Констан-

тинович, генерал А. А. Поливанов, граф А. А. Бобринский, кн. Б. А. Васильчиков, А. С. Стешинский и инженер-генерал Н. П. Петров [46]. Проекты милитаризации продовольственного дела разрабатывались и в военном министерстве. Один из подобных чиновничьих проектов, планировавших снабжение рабочих, занятых в производствах, удовлетворяющих военные нужды, передать в Главное интендантское управление, был даже одобрен Ставкой в конце июля 1916 г. Речь, следовательно, по существу шла о централизованном снабжении рабочих всей крупной фабрично-заводской промышленности. Однако этот проект вызвал решительное противодействие в ВПК. Руководители комитетов предложили продовольственное снабжение фабрично-заводских рабочих сосредоточить в их организации [47].

Проект военных кругов не был осуществлен не в результате противодействия ВПК, а так как он не «вписывался» в общую систему мер по решению продовольственного вопроса, которые намечались и обсуждались в правительственных верхах, и экономически оказался совершенно необеспеченным. Военное ведомство не имело продовольственных ресурсов для регулярного снабжения рабочего населения. В сентябре 1916 г. Военное министерство дало согласие на снабжение из интендантских запасов лишь предприятий Москвы и Петрограда, заводов Главного артиллерийского управления и 30 металлургических и горнопромышленных предприятий Юга России [48]. Однако снабжение даже этих предприятий за счет интендантства вызвало, по признанию главнокомандующего Северным фронтом Н. Рузского от 8 ноября 1916 г., «временные затруднения в снабжении продовольствием армии» [49].

Не хватало и средств для закупки продовольствия. Поэтому правительство, все сильнее ощущая острейшую необходимость мобилизации финансовых ресурсов для обеспечения закупок продовольствия, при проектировании планов реорганизации продовольственного дела все более ориентировалось на банки. Еще в конце августа 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев выяснял у министра земледелия А. А. Бобринского достоверность сведений о привлечении банков к организации продовольственного снабжения армии и населения. Добиваясь осуществления своих планов, банки действительно усилили свою активность, воздействуя на различные звенья высшего государственного аппарата, имевшего касательство к продовольственному снабжению. Не забывали они и верхушку генералитета. Так, 16 сентября 1916 г. они представили свой проект организации продовольственного дела даже главнокомандующему войсками Северного фронта. Всей заготовкой продовольствия должен был руководить Совет, состоявший из равного количества представителей от правительства и хлебных торговцев. Кандидатуры

последних представлялись банками. Комитет получал исключительное право закупки продовольствия не по твердым, а по «свободным» рыночным, т. е. фактически монополизированным ценам. Банки выделяли кредиты для закупки продовольствия, а распределение продуктов в районах потребления передавалось земствам и городским управлениям [50].

Монополизируя таким образом закупки продовольствия, банки не нуждались в системе твердых цен, существовавших при заготовках продовольствия через органы Министерства земледелия. Следует заметить лишь, что высказываясь за отмену твердых цен на продовольствие, банки и предпринимательские организации не были столь последовательными, как представители аграриев [51]. Так, на совещании, созванном 20 июля 1916 г. Советом съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, в котором участвовали представители ведомств, крупнейших коммерческих банков и биржевых комитетов, не было высказано категорических требований отмены твердых цен. Совещание лишь добивалось, чтобы при сохранении их, а также права на реквизицию хлеба были установлены общие правила для выдачи ссуд под хлебные продукты, не допускающие «каких-либо различий между категориями клиентов — производителями, мукомолами и торговцами» [52].

Расширение государственных заготовок продовольствия в связи с необходимостью снабжения не только армии, но и значительной части гражданского населения диктовали пересмотр принципов финансирования заготовительных операций. Если раньше закупки продовольствия велись исключительно за государственный счет, то еще весной 1916 г. обременительность такого порядка для казначейства стала совершенно очевидной. Государство вынуждено было все больше прибегать к помощи печатного станка, огромные массы бумажных денег обесценивались и оседали в сейфах крупнейших частных коммерческих банков. Возрастание объема закупочных операций и рост цен на продовольствие требовали использования накоплений частных коммерческих банков. Вопрос о целесообразности кредитования частными коммерческими банками заготовительных операций все чаще обсуждался в Особом совещании по продовольствию. Некоторые местные уполномоченные высказались в том же плане. Они видели в этом единственное средство расширения закупочных операций. К осени 1916 г. этот вопрос встал с еще большей остротой [53]. В печатном органе Особого совещания по продовольствию пропагандировался опыт западноевропейских стран (широкое государственное вмешательство в организацию вплоть до полной монополизации торговли), подчеркивалась необходимость создания в России центрального органа для регулирования хлебной торговли («Центрохлеба») [54].

Однако инициатива реорганизации продовольственного дела явно ускользала от Министерства земледелия. Планируемая в Министерстве внутренних дел передача в это ведомство продовольственного дела сопровождалась отказом от системы твердых цен. Последнее все же импонировало банкам, открывая им более широкие возможности для обогащения. Этот курс, упорно проводимый Б. В. Штюрмером, вызвал отставку с поста министра земледелия А. Н. Наумова и появление на этой должности А. А. Бобринского — крупного латифундиста-сахарозаводчика и одного из лидеров правых политических группировок [55].

Общие тенденции, преобладавшие в это время в правительственных кругах, выражены в записке Особого комитета по борьбе с дороговизной, излагавшей план перестройки продовольственного дела. Записка полнее учитывала пожелания и интересы банков, чем проекты, готовившиеся в Особом совещании по продовольствию. «Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла» обсуждало ее на заседании 24 сентября 1916 г. Высший правительственный орган, в известной степени солидаризуясь с финансовыми кругами, признал, что стеснение свободной торговли «являлось одною из несомненных причин роста дороговизны и отсутствия на рынке важнейших предметов потребления». Поэтому он высказался за незамедлительные меры по восстановлению свободного торгового оборота. В качестве шага в сторону требований банков можно рассматривать и другое решение. Царские министры признали, что «в видах развития и организации свободной торговли крайне желательно... скорейшее проведение в жизнь предложения министра торговли и промышленности об образовании торговых палат» [56]. Эти планы вызвали удовлетворение в финансовых кругах, ибо более соответствовали интересам банков, открывая перед ними перспективу укрепления позиций в продовольственном деле. Не случайно, что через несколько дней после этого заседания состоялось совещание представителей крупных банков (А. И. Путилов, Б. А. Каменка, Е. Г. Шайкевич и др.) и ведущих хлеботорговых фирм (Бугрова, Башкирова, Дрейфуса и пр.) с только что назначенным управляющим Министерством внутренних дел А. Д. Протопоповым. По словам новоявленного царского министра, «банки не отрицали возможности помочь делу, но определенно не высказались; говорили, что надо подумать» [57]. Дальнейшее углубление политического кризиса в стране предопределило тот факт, что банковских воротил не прельстило даже обещание Протопопова предоставить им в будущей (V) Государственной думе 50—80 депутатских мест [58]. В какой-то степени банковские круги сдерживало и то, что правительство продолжало и усиливало акции по ограничению деятельности буржуазных общественных организаций, игравших все большую

роль (через земские и городские управления и кооперативы) по распределению продовольствия в потребляющих районах.

В частности, на том же заседании Особого совещания министров 24 сентября было отклонено предложение Особого комитета по борьбе с дороговизной создать соответствующие местные комитеты. Министры отрицательно высказались о плане привлечения «местных обывателей к активной деятельности в области обнаружения скрытых товаров и установления случаев нарушения торговцами существующих правил». Они признали, что «с точки зрения охранения общественного порядка и спокойствия такая мера представляется недопустимой». Столь же неприемлемым для них оказалось предложение образовать субсидируемое из казны товарищество, паи которого распределялись между земствами и городами и в делах которого непосредственное участие должны были принимать ведомства [59].

Если сами банки прямо не выразили своего отношения к подобной позиции, то журнал «Промышленность и торговля» определенно высказывался по поводу чиновничье-бюрократического прожектерства, призывая при организации продовольственного дела «сохранить максимальную самодеятельность торговли» и действовать «солидарно с общественными живыми силами» [60].

Как бы то ни было, но банки уклонились от соглашения с правительством в продовольственном деле. Тогда правительственные верхи совершают резкий поворот. Еще 24 сентября 1916 г. они категорически отвергали всякую возможность более широкого привлечения представителей буржуазных общественных организаций к решению продовольственного вопроса, а 10 октября было принято постановление министра земледелия, опубликованное 14 октября, о реорганизации Особого совещания по продовольствию и об образовании губернских, уездных и волостных продовольственных органов, состоящих из представителей ведомств, общественных организаций, земств и городских управ. Это постановление в широких буржуазных кругах было встречено более или менее благожелательно. В органе Совета съездов представителей промышленности и торговли Юга России, где решающие позиции принадлежали крупным хлебным торговцам, одобрялась, в частности, и идея привлечения торгового класса к организации продовольственного дела. Однако далее заявлялось: «Участие всех заинтересованных общественных элементов явилось бы сдерживающей силой для тех стремлений, которые могли бы возникнуть из естественной природы торгового класса» [61]. Частный торговый аппарат и предпринимательские союзы должны были действовать совместно с буржуазными общественными организациями, как бы прикрываясь ими.

К октябрю 1916 г. представители группы банков и связанных с ними крупных хлеботорговых фирм сделали, видимо, оп-

ределенный шаг к дальнейшему сближению с буржуазными общественными организациями. Свое место в продовольственном деле они определяли «в виде участия в устройстве на практических началах организаций для закупки самых необходимых предметов продовольствия — на первых порах — хлебных продуктов». Они предлагали создать на местах торговые организации для закупки продуктов. Банки соглашались финансировать и предоставлять другие услуги таким закупочным кооперативам при условии, что все продовольственное дело возглавит «лицо непререкаемого авторитета, при котором будет создана в качестве особого органа, руководящего закупкой, немногочисленная комиссия из специалистов (представителей биржи и торговых учреждений)». Вся деятельность центральных и местных закупочных организаций должна была направляться этой комиссией. На местах создавались такие же комиссии во главе с уполномоченными центрального продовольственного органа. Банки не отвергают «твердых» цен, но требуют их корректировки «в смысле возмещения стоимости доставки продуктов к станциям и пристаням», и предоставления закупочным предприятиям комиссионного вознаграждения, достаточного для того, чтобы часть его они могли выделить в виде премии производителям или посредникам-скупщикам на местах. Еще более категорично ограничивалась задача всей торговой организации. Она должна была действовать при закупках на комиссионных началах и не выполнять *«никаких функций по распределению* продуктов между армией и населением» [62]. Эти меры, следовательно, могли стать эффективными лишь наряду с другими, которые должны были обеспечить поступление собранного закупочной организацией продовольствия к потребителям. А здесь-то и открывалось неограниченно широкое поприще для реализации тех планов, которые вынашивались буржуазными общественными организациями по регулированию продовольственного снабжения на местах.

Правительство решилось на некоторые шаги по «демократизации» продовольственного дела при одном весьма существенном условии — передаче его в Министерство внутренних дел. А это вызвало серьезное недовольство в буржуазных оппозиционных кругах, не одобрявших и тенденцию к отмене твердых цен. Они отказались также сотрудничать с Министерством внутренних дел [63]. Тогда правящие верхи вынуждены были вернуться на исходные позиции. Продовольственное дело оставлялось в Министерстве земледелия, но по настоянию Штюрмера и А. Д. Протопопова постановление министра земледелия от 10 октября о создании местных продовольственных органов аннулировалось [64].

В это же время Совет съездов представителей промышленности и торговли публично выступил с модифицированным проектом организации продовольственного дела, свидетельствующим о

дальнейшем сближении позиций петроградских банковских и московских торгово-промышленных кругов. «Во главе должен стоять Совет, полномочно решающий общие вопросы продовольственного дела — вопросы твердых цен, реквизиций, такс и дающий наряды для закупок состоящим при них организациям для объединенных закупок». В состав совета предполагалось ввести представителей государства, сельскохозяйственных обществ и закупочных организаций и частично представителей от земского и городского союзов, ВПК и от «рабочих групп». В качестве исполнительных закупочных органов совета намечалось создать закупочные акционерные общества, специализирующиеся на заготовке тех или иных продуктов. В правления таких обществ наряду с представителями акционеров и кредитующих их банков включались и представители государства. Орган Совета выражал уверенность, что «на практике вряд ли встретятся затруднения в создании подобной продовольственной организации», так как представители торговли не возражают против участия в подобных закупочных обществах. Преимущества такой организации продовольственного дела усматривались в том, что она снимала с государственного казначейства тяжелое бремя финансирования и позволяла, как правило, избежать применения твердых цен и реквизиций [65].

Сближение в это время позиций двух крупнейших группировок российской буржуазии становилось тем более легко осуществимым, что идею создания Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, несмотря на все усилия его руководителей, в первоначальной форме реализовать не удавалось [66].

Необходимость мобилизации частного торгового аппарата предпринимательских объединений и аппарата коммерческих банков в условиях военного времени была неизбежна, и правительство сделало определенные шаги в направлении укрепления экономических позиций крупной буржуазии.

Известный сдвиг правительственных кругов в направлении учета пожеланий банков и крупной буржуазии проявился на совещаниях о финансировании закупочных операций Министерства земледелия, которые в ноябре проводились как в Особом совещании по продовольствию, так и в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Например, на совещании при Особенной канцелярии по кредитной части 17 ноября 1916 г., на котором присутствовали представители всех крупнейших петроградских банков, было решено просить министра финансов разрешить министру земледелия открывать счета не только в Государственном, но и в частных коммерческих банках. Представители частных банков признали возможным производить «учет платежных свидетельств, даваемых уполномоченными,

лишь в том случае, если главноуполномоченному будет предоставлено в законодательном порядке право кредитоваться в частных банках» [67].

В результате ряда совещаний перед Февральской революцией определились следующие основания организации банковского кредита в продовольственных операциях. По признанию самих банков, его предполагалось осуществить в виде специального текущего счета на имя Департамента государственного казначейства. Кредит обеспечивался 5% краткосрочными обязательствами того же казначейства. Право распоряжения кредитом Департамент казначейства предоставлял главноуполномоченному [68].

В конце декабря 1916 г.— начале января 1917 г. происходило также пополнение представителями предпринимательских и буржуазных общественных организаций (Союза городов, Земского союза, Совета съездов представителей промышленности и торговли, Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, ВПК и пр.) различных бюро, комиссий, советов, созданных при тех или иных подразделениях Особого совещания по продовольствию. «Демократизация» этих органов была намечена еще в начале октября, но реальные шаги, расширяющие представительство крупной буржуазии и ее возможности непосредственного воздействия на деятельность Особого совещания по продовольствию, проводились накануне Февральской буржуазно-демократической революции [69].

Сдвиг этот, однако, совершался чрезвычайно медленно. Тормозящим фактором являлись и проекты назначения продовольственного диктатора, к которым вновь и вновь обращались в правительственных кругах.

Председателю Совета министров А. Ф. Трепову 10 декабря 1916 г. был вручен проект «Положения о верховном начальнике по продовольственной части» с указанием царя подготовить законопроект для внесения в Государственную думу. По этому проекту Особое совещание по продовольствию превращалось в канцелярию верховного начальника по продовольственной части, назначаемого непосредственно царем и ответственного только перед ним. Проект этот, не встретивший особого сочувствия даже в бюрократических сферах, не мог не усилить тревогу буржуазной общественности и предпринимательских организаций [70]. В конце 1916 — начале 1917 г. на страницах буржуазных периодических изданий и на различных совещаниях буржуазных организаций звучит все более резкая критика продовольственной политики царского правительства [71]. Эта критика продолжалась и после Февральской революции в официозах продовольственных органов Временного правительства, пытавшихся всю вину за развал продовольственного дела в стране возложить исключительно на самодержавный строй [72].

Бесспорно, политика царизма в продовольственном вопросе была одной из важнейших причин нарастания разрухи в продовольственном снабжении страны. Но не меньшую отрицательную роль объективно играла и чуждая интересам народа вся хищническая деятельность крупной буржуазии и коммерческих банков [73]. Рассматривая политику царизма с точки зрения формирования государственно-монополистических институтов, следует признать, что она замедляла развитие тенденций, обусловленных закономерностями социально-экономического развития капитализма на высшей его стадии в обстановке военного времени. Сама жизнь, потребности фронта и тыла диктовали создание государственно-монополистических органов, опирающихся на банки и предпринимательские союзы монополистического характера. Необходимость организации таких органов подсказывал и опыт западноевропейских стран. Но именно этот опыт, свидетельствующий о возрастающей роли капиталистических монополий и банков, как в экономике, так и в политике, заставлял разрабатывать нежизненные и противоречивые планы разрешения продовольственного вопроса в России, которые объединяла одна идея — стремление сохранить полноту власти в руках старого чиновничье-бюрократического аппарата, хотя и прислуживающего буржуазии, но все же остававшегося опорой самодержавного строя. Поэтому, несмотря на все перестройки, царские чиновники предоставляли высшему регулирующему органу в продовольственном деле совещательные права, которые к тому же существенно ограничивались стоящими над ним особыми совещаниями министров. Самодержавный строй всячески сопротивлялся попыткам капиталистов и их организаций добиться огосударствления созданных и проектируемых ими центров, регулирующих продовольственное снабжение.

Этот вывод не противоречит тому, что государственное регулирование продовольственного дела при царизме осуществлялось и в интересах крупной буржуазии: «Мы знаем,— указывал В. И. Ленин,— как в самом начале царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило... Оно оставалось верным своим союзникам — хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы» [74]. Тем не менее существующая политическая надстройка была тормозом по пути развития государственно-монополистического капитализма в России, хотя и не могла совершенно парализовать развитие соответствующих социально-экономических процессов. Эти процессы проявлялись также во взаимодействии банков и предпринимательских союзов с различными органами, возникавшими в системе Особого совещания по продовольствию, регулирующими те или иные конкретные отрасли пищевой промышленности и продовольственной торговли.

МУКОМОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И МУЧНАЯ ТОРГОВЛЯ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В дореволюционной России мукомольная промышленность не имела удовлетворительной статистики. Практически невозможно дать более или менее полную картину положения дел даже на крупных товарных мельницах I—V разрядов, куда относились мукомольные предприятия, размалывавшие не менее 130 тыс. пуд. зерна в год. Особое совещание по продовольствию, предпринявшее в 1916 г. специальное обследование мукомольной промышленности, вынуждено было основываться на самых разноречивых данных. В конечном счете было признано, что в 1914 г. в 19 губерниях с наиболее развитым мукомольным производством (откуда, как правило, мука вывозилась в другие районы) насчитывалось 1558 мельниц (первых пяти разрядов), на которых перемалывалось накануне войны примерно 500 млн. пуд. в год[75]. Наиболее значительные мельницы еще до войны объединялись Советом съездов мукомолов, хотя тенденции к синдицированию, обнаружившиеся в этой организации, так и не получили развития.

В годы войны в связи с организацией поставок для армии в наиболее значительных центрах мукомольного производства наблюдается процесс объединения и консолидации промышленников вокруг местных биржевых комитетов (Нижегородская, Самарская и Саратовская губ.). Руководители этих комитетов в отдельных случаях были даже назначены уполномоченными Главного управления землеустройства и земледелия по закупке хлеба для армии (А. С. Салазкин, В. М. Башкиров и др.). В так называемых производящих губерниях владельцы мельниц выступали на рынке сплоченной организованной силой[76]. Дезорганизация хлебной торговли и затруднения мукомольной промышленности в получении зерна, обнаружившиеся к началу 1916 г., побудили Совет съездов мукомолов выступить с инициативой более прочного объединения владельцев мельниц. В записке Совета съездов мукомолов от 12 марта 1916 г. на имя министра земледелия активно поддерживалась просьба волжских мукомолов о созыве регионального съезда в г. Самаре. В числе других вопросов на съезде предполагалось обсудить и вопрос об организации мукомолами кооперативной закупки хлеба при содействии уполномоченных Министерства земледелия и кооперативной закупки ими топлива при содействии Министерства торговли и промышленности[77].

Съезд, состоявшийся 16 и 17 апреля 1916 г., одобрил общие принципы создания «Кооперативного товарищества мукомолов Волжского района», которое должно было объединить владельцев мельниц, вырабатывающих почти половину товарной муки, пред-

назначенной для вывоза в потребляющие губернии. Решения этого съезда были представлены министру земледелия [78]. Капиталисты-мукомолы стремились придать своей организации государственный характер и указывали, что она должна находиться в ведении Министерства земледелия и Министерства торговли и промышленности. В выборный комитет кооператива предполагалось ввести уполномоченных этих ведомств, которые должны были содействовать в закупке зерна и топлива, а также и доставке их на мельницы. Все предприятия, объединенные кооперативом, рассматривались как предприятия, «всецело работающие на оборону страны». Комитет обязан был производить от имени и за счет участвующих в кооперативе мукомольных фирм все закупки зерна, топлива и других предметов, хотя участники его и продолжали «содержать на местах закупок свои торговые отделения, служащих, агентов и склады». Причем эти отделения при установлении цены и количества закупаемых продуктов обязаны были подчиняться распоряжениям Комитета. Ему же поручались учет всей продукции мукомольного производства и распределение ее «среди населения не иначе, как по взаимному между мукомолами соглашению» и по указанию председателя Особого совещания по продовольствию. Комитет принимал также на себя закупку хлеба для армии и размол зерна по ценам, устанавливаемым Особым совещанием по продовольствию [79].

Решения съезда и проект «кооператива» были встречены в правительственных кругах с большой подозрительностью, которая была усилена донесениями полицейских чинов. Так, в докладной записке начальника Самарского жандармского управления от 24 апреля 1916 г. по поводу частных совещаний мукомолов, предшествовавших съезду, указывалось, что там «высказывались требования, сводившиеся к безконтрольному завладению мукомолами мучной биржей, к устранению чинов Министерства земледелия от всякого участия в закупке зерна и т. д., но в объявленных резолюциях съезда такие пожелания умеренны». Проектируемый «кооператив» мукомолов оценивался как синдикат, стремящийся подорвать работу уполномоченных и единые цены на хлеб [80].

Естественно, что в Особом совещании по продовольствию проект Совета съездов мукомолов был встречен настороженно. В докладной записке о положении мукомольной промышленности, подготовленной управлением делами, заявлялось, что нельзя «относиться отрицательно к самому факту образования организации производителей», что Особому совещанию часто уже приходилось опираться на существующие предпринимательские организации, пользуясь ими для своих целей. Принцип взаимодействия Особого совещания с подобными частнохозяйственными организациями, по существу занимавшими монопольное положение в той или иной сфере заготовок продовольствия, определялся

следующим образом: «Но во всех этих случаях Особое совещание должно играть руководящую роль, обеспечивая себе полную свободу действий и создавая условия, препятствующие захвату рынка со стороны многочисленной группы лиц...» Проект же Совета съездов мукомолов стремился наделить кооператив различного рода правами, оставляя на долю правительства лишь обязанности. Чиновников тревожила перспектива иметь дело со сплоченным «синдикатом» мукомолов, который желал получать все зерно по твердым ценам, а поставлять муку по твердым ценам не соглашался [81].

Бесспорно, что создаваемая организация имела определившиеся черты закупочного и сбытового монополистического объединения. Однако его неверно было бы называть синдикатом, ибо оно, по-видимому, не ориентировалось на полную централизацию закупок и продажи. Эта организация скорее напоминает те многочисленные монополистические союзы переходного типа от картеля к синдикату, которые существовали в тяжелой промышленности России в конце XIX в.[82]

Управление делами Особого совещания по продовольствию в противовес проекту Совета съездов мукомолов разработало свой проект, предлагающий учреждение Центрального комитета и шести районных уполномоченных по мукомольной промышленности, при которых предполагалось создать мукомольные комитеты с достаточно широким представительством капиталистов. Торговой организации мукомолов, несомненно, под воздействием промышленников, предоставлялось «право закупать зерно по твердым ценам в составе правительственной организации на комиссионных началах» [83]. Основные положения правительственного проекта были намечены по соглашению с председателем Самарского биржевого комитета и уполномоченным Министерства земледелия по закупке хлеба для армии, владельцем крупного мукомольного предприятия В. М. Башкировым [84].

Докладная записка и проект 4 июня 1916 г. обсуждались в комиссии Особого совещания по борьбе с дороговизной. Представители мукомолов (председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли Юга России Г. Е. Вайнштейн и управляющий делами Совета съездов мукомолов А. Ф. Волков) заранее заявили, что «хотя предложенный Советом съездов проект кооператива Волжских мукомолов и представляется им более отвечающим интересам промышленности, но если бы правительство полагало необходимым регулировать мукомолье на началах, предполагаемых Управлением делами, то со стороны мукомольной промышленности не встретилось бы принципиальных возражений» [85].

Несмотря на такую готовность, мукомолы все же подверглись резкой критике в комиссии. Член Государственной думы граф

И. И. Капнист обратил внимание на то, что «по существу проект, несмотря на свое название «кооператива», представляет собой попытку образования синдиката мукомолов, претендующего на монополизацию закупок зерна». Представителя воинствующих аграриев раздражало и то, что проект предусматривал главным образом «содействие правительства мукомолью, сохраняя центр тяжести в деятельности частной торговой организации». Он рьяно поддерживал основную идею чиновничьего проекта, утверждая, что «правильным решением было бы использование торгового аппарата мукомолов в помощь правительственной власти и под руководством ее» [86]. Но мукомолы получили и поддержку. На их стороне оказался представитель Министерства торговли и промышленности, высказавшийся за использование готового и опытного торгово-промышленного аппарата, считавший, что Особое совещание по продовольственному делу, создавая Центральный комитет по мукомолью, берет на себя непосильную задачу. Несмотря на эти выступления, комиссия одобрила основные положения проекта управления делами [87].

После обсуждения в комиссии по дороговизне, доклад и журнал заседания комиссии были направлены для заключения уполномоченным важнейших мукомольных губерний. Показательно, что уполномоченные — представители торгово-промышленных кругов (В. М. Башкиров, А. С. Салазкин) одобрили проект и особенно ратовали за создание районных организаций. Значительный интерес представляют разъяснения управления делами на их замечания. Они наглядно свидетельствуют, что между официальными заявлениями об использовании торгового аппарата мукомолов только под непосредственным руководством правительственной власти, и реальными взаимоотношениями правительственных органов и предпринимательских организаций существовала большая дистанция. Разработанная управлением делами схема предоставляла мукомолам широкие возможности фактического руководства продовольственным снабжением населения. В примечании к справке откровенно признавалось: «Правительство вовсе не намерено брать всю заготовку зерна в свои руки. Закупку зерна должны производить сами мукомолы либо вполне самостоятельно, либо в составе правительственной организации при помощи своего торгового аппарата» [88].

Уполномоченные — чиновник (С. С. Гербель) и представитель дворян-помещиков (Ю. Ю. Новосильцев), не возражая против централизации мукомольного дела в бюро по мукомолью, выступили против районного звена организации. Вместо районных комитетов, как бы ускользавших из-под бдительного ока местной царской администрации, угрожавших превратиться в объединяющие центры крупных мукомолов, Гербель предложил образовать при губернских уполномоченных «совещания из представителей

ведомств, земств, городских управлений, кооперативов, сельскохозяйственных обществ, бирж и мукомолов» [89], т. е. сравнительно безобидные совещательные органы, которые находились на виду у губернского начальства. В этом и заключалась основная причина отказа от создания института районных уполномоченных и комитетов при них. Формальным же поводом к отказу от уже одобренной схемы явилось признание излишним «существование промежуточной инстанции между центром и губернскими органами» [90]. Районные организации по мукомолью так и не возникли.

23 июня на заседании Особого совещания по продовольствию был заслушан доклад управления делами о положении мукомольной промышленности. Совещание признало необходимым предоставить организациям мукомолов право закупки зерна на комиссионных началах по твердым ценам. Состоялось также решение о создании Центрального бюро по мукомолью. Постановление министра земледелия от 30 июня 1916 г. стало исходным пунктом существования нового регулирующего органа в системе Особого совещания по продовольствию [91].

На Центральное бюро по мукомолью, в котором широко были представлены торгово-промышленные круги (Совет съездов мукомолов, представители мукомольной промышленности и др.), возлагалось распределение заготовки муки для армии и населения, регулирование сбыта муки, выяснение положения мукомольной промышленности и оказание мукомолам содействия в заготовке и подвозе зерна, в снабжении мельниц топливом, машинами и т. п.[92]

Председателем Бюро был назначен товарищ министра земледелия, главноуполномоченный по закупке хлеба для армии Г. В. Глинка, а его товарищем, фактически возглавившим этот орган,— представитель мукомолов А. С. Салазкин [93].

Бюро установило однотипные сорта муки для всей России и на этой основе распространило твердые цены на муку на частные сделки [94]. Разработка этих вопросов велась при активнейшем участии мукомолов. Они задавали тон, в частности, и в технической комиссии, созданной для выработки единых сортов муки (В. М. Башкиров, А. А. Эрлангер и др.) [95]. В комиссии представители мукомольной промышленности всячески акцентировали внимание на технических затруднениях при переоборудовании мельниц для производства муки одного сорта. Они предложили на обсуждение проект нижегородских мукомолов, выработанный при участии председателя Калашниковской хлебной биржи в Петрограде В. И. Воробьева. Проект предусматривал введение двух сортов муки. Против этого возражали представители буржуазных общественных организаций (В. Г. Громан, Н. С. Цвылев и др.), считавшие, что существование твердых цен на два сорта муки неизбежно послужит источником для злоупотреблений. Единой

точки зрения выработать не удалось, и 26 июля 1916 г. комиссия решила предложить предстоящему съезду мукомолов дать заключение по этому вопросу [96].

Перед открытием Всероссийского съезда мукомолов состоялось заседание Бюро с участием представителей мукомольной промышленности, на котором была выработана и предложена съезду схема сортов муки для различных районов России. По всем районам пшеничная мука разбивалась на два сорта. При этом по Северному и Волжскому районам, например, норма выхода для каждого сорта определялась в следующих размерах: 1-й сорт — 50%, 2-й сорт — 21%.

Съезд мукомолов, происходивший 10 и 11 августа 1916 г., обсудил эти предложения и решил выделить три сорта пшеничной муки, установив нормы выхода для каждого сорта по районам и стоимость помола для всей России: по пшенице — 64 коп. и ржи — 34 коп. с пуда. Бюро по мукомолью на заседании 22 августа одобрило принятые съездом нормы выхода муки при размоле, внеся лишь по отдельным районам некоторые частные поправки. В таком виде постановление и было одобрено Особым совещанием по продовольствию [97]. Новые нормы в конечном итоге были проведены по указке мукомолов. Тем самым капиталисты мукомольной промышленности с помощью мер государственного регулирования обеспечили для себя получение высоких прибылей.

Однако один центральный орган не мог обеспечить регулирование мукомольной промышленности и мучной торговли. Многие мельницы приостанавливались из-за недостатка зерна. Поэтому 18 октября 1916 г. на заседании комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли был вновь поставлен вопрос об учреждении должностей уполномоченных по мукомолью для каждого района [98]. В земских же кругах в это время выдвигается предложение организации губернских мучных комитетов и губернских бюро мукомолов (последних — в губерниях, имеющих значительное количество мельниц). План деятельности такой организации был детально разработан в докладной записке В. Г. Громана о регулировании производства и сбыта муки, представленной от имени Всероссийского союза городов в Центральное бюро по мукомолью [99].

Правительство, как указывалось, в октябрьские дни сделало очередной реверанс в сторону буржуазной общественности. Постановлением министра земледелия от 10 октября 1916 г. при главноуполномоченном по закупке хлеба для армии была создана мукомольная комиссия, на которую возлагалось распределение «заготовок зерна, муки, крупы и гороха для армии и населения, выработка планов перевозки этих продуктов и норм снабжения для отдельных районов». На местах предполагалось создать гу-

бернские и уездные комиссии. Однако, не найдя общего языка с буржуазно-либеральными кругами (о чем говорилось выше), правительство отказалось даже от этих робких шагов, предполагавших развитие инициативы буржуазной общественности [100].

К концу 1916 г. наблюдается известное охлаждение между руководителями Министерства земледелия (особенно при новом министре Риттихе) и объединенными мукомолами. Дело дошло до того, что даже мукомольная комиссия, руководимая А. С. Салазкиным, признала, что постановление Особого совещания по продовольствию от 26 октября о твердых ценах на муку состоялось без достаточного учета мнения Центрального бюро по мукомолью и без обсуждения на совещаниях местных мукомолов. Соответствующее обращение в Центральное бюро по мукомолью и к председателю Особого совещания по продовольствию дало положительные для мукомолов результаты. Цены на муку было предусмотрено рассмотреть срочно на местных совещаниях. Оценивая результаты этих совещаний 14 ноября 1916 г., мукомольная комиссия признала «крайнюю несогласованность твердых цен на муку с твердыми ценами на зерно» и «крайнюю несогласованность между ценами соседних губерний». Поэтому комиссия просила министра земледелия задержать утверждение твердых цен на муку до согласования их в Центральном бюро по мукомолью [101]. В результате «согласования» последовало «почти огульное повышение твердых цен на муку». Однако эти цены были утверждены лишь до 1 января 1917 г., так как готовилось новое повышение цен на муку, которое связывалось с изменением цен на зерно [102]. Хотя интересы мукомолов и хлебных торговцев в целом не страдали, ибо они имели широкие возможности уклониться от невыгодных сделок, нарекания в их среде в адрес Министерства земледелия усиливались. «С усилением во время министерства Риттиха бюрократического единоличного начала в направлении продовольственной деятельности,— утверждалось в официозе Министерства продовольствия Временного правительства,— роль Центрального бюро по мукомолью и мукомольной комиссии постепенно умалялась. Важные мероприятия, относящиеся к компетенции этих органов, проводились без их ведома и даже вразрез с их решениями» [103].

Однако на местах именно в это время наблюдается организационное оформление союзов мукомолов в локальные объединения монополистического характера, выполнявшие функции государственных учреждений. Так, в Вятской губернии по заданию губернатора — уполномоченного Министерства земледелия распределение муки по губернии осуществляли местные отделения крупных уральских торговых фирм [104]. В конце сентября 1916 г. представители мукомольной промышленности Акмолинской области, Челябинского и Исетского районов на совещании, созванном

уполномоченным Министерства земледелия, настаивали на создании «особой общественной организации для заготовки», но все же согласились работать на правах агентов уполномоченного, получая комиссионный процент в размере 5 коп. с пуда. Уполномоченный при этом заявил, что именно на таких условиях уже работает целый ряд торговцев [105]. Попытка создания более прочной организации в октябре была предпринята в Симбирске. Здесь по почину местного биржевого комитета и при содействии уполномоченного Министерства земледелия возникло «купеческое товарищество на паях..., объединяющее всех хлеботорговцев, как крупных, так и мелких, с привлечением принадлежащих им капиталов, мельниц, крупорушек и сушилок. Вступив в означенное товарищество, купцы отказывались совершенно от частной торговли и готовы были работать как единоличная фирма, предоставляя весь купленный продукт казне». Уполномоченный утверждал, что «при такой организации все хлеба в губернии пойдут казне без ненужной конкуренции по твердым ценам, контроль благодаря централизации всего хлеба весьма легок и почва для спекуляции ускользает». Осуществить эту идею не удалось. Синдикат распался, так как симбирским хлеботорговцам не удалось добиться предоставления им монопольного права закупки зерна по линиям Московско-Рязанской и Волго-Бугурусланской железных дорог, хотя и в декабре 1916 г. председатель Симбирского биржевого комитета снова пытался добиться реализации представленного проекта [106].

Бюро, объединявшее екатеринославских мукомолов, в конце 1916 г. обратилось к местному уполномоченному с предложением предоставить «к его услугам потребные капиталы и кадры вполне подготовленных агентов и работников, могущих быть полезными при приемке зерна от владельцев, расчетах за него и отправки его на станции железных дорог». Все полученное на рынке зерно должно было поступить в Бюро мукомолов, которое распределяло его по мельницам. При этом условии мукомолы обещали обеспечить мукой население губернии и нужды уполномоченного по заготовкам [107]. В Харькове сложилась более оформленная организация, деятельность которой была официально признана уполномоченным по заготовке продовольствия для армии. К своему донесению в Особое совещание по продовольствию он приложил инструкцию для Бюро мукомолов Харьковской губернии [108].

В инструкции указывалось, что Бюро все наряды, поступающие от уполномоченного, распределяет по разверстке между мельницами всей губернии пропорционально производительности и несет ответственность за правильное их исполнение. Вся мука, вырабатываемая на мельницах, поступала для распределения в Бюро, а владельцы мельниц каждые семь дней обязаны были сообщать в Бюро требуемые для учета сведения. Всеми делами

ведало Управление делами, избираемое мукомолами в количестве семи человек. Председатель Управления избирался по соглашению с Уполномоченным по закупке хлеба для армии. В состав организации с правом решающего голоса входили представители уполномоченного Харьковской губернии, губернского земства и Харькова, которые как бы растворились в новом органе, позволявшем организованным мукомолам использовать местные административные органы в своих интересах [109]. Производство и сбыт муки на мельницах Харьковской губернии были монополизированы государством с помощью и в интересах владельцев крупнейших мукомольных предприятий, игравших на местном рынке решающую роль.

Отмеченные факты в известной мере свидетельствуют о завершении процесса создания местных монополистических союзов мукомолов, которые овладевали ключевыми звеньями государственного аппарата на местах. На основании их можно сделать вывод, что в правительственных кругах накануне Февральской буржуазно-демократической революции созрело убеждение в необходимости регулирования мукомольного дела руками самих капиталистов. Н. А. Гаврилов, возглавивший в это время Главное управление по закупке хлеба для армии («Хлебармию»), на донесении харьковского уполномоченного Б. И. Каразина по поводу инструкции для Бюро мукомолов наложил резолюцию: «Надо публиковать в «Известиях» и вообще пора собрать данные, как это делается везде» [110].

Подобная резолюция не была выражением мимолетных эмоций высокопоставленного царского чиновника. Она отражала общую тенденцию развития социально-экономических процессов в организации продовольственного дела. В первом же номере «Известий Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу» появляется редакционная статья «Местные органы по мукомолью». В статье полностью (как бы для образца) была опубликована инструкция Харьковского бюро мукомолов, названная Уставом. Отмечалось также, что подобные организации помимо Харькова действовали и в Екатеринославе, Киеве, Самаре. Редакция журнала утверждала, что «опыт деятельности подобных организаций, возможно, привел к признанию необходимости повсеместного учреждения таких форм» [111].

Расстройство продовольственного снабжения армии и населения к 1916 г. заставило правящие верхи все больше опираться на предпринимательские союзы, допускать и поощрять развитие аппарата монополистических объединений, призванных осуществлять заготовку и распределение важнейших хлебных продуктов, хотя и под общим, т. е. самым поверхностным и номинальным, наблюдением бюрократических органов самодержавия. Централь-

ное бюро по мукомолью и комиссия по мукомолью в Петрограде, мукомольные бюро в губерниях являлись теми государственно-монополистическими органами, которые позволяли крупнейшим капиталистам добиваться более прочной консолидации сил мукомолов, монополизации сбыта продукции, получения колоссальных военных сверхприбылей. Перед Февральской революцией отдельные звенья государственно-монополистического регулирования мукомольного производства, хотя и не очень окрепли, но все же действовали. Они медленно складывались в единую систему, контуры которой стали вырисовываться к началу 1917 г. Систему эту довольно затруднительно четко очертить, так как продовольственная разруха в январе — феврале 1917 г. достигла крайней остроты. Поэтому мероприятия подобного как бы перспективного хозяйственного строительства парализовывались и искажались чрезвычайными хозяйственными акциями, предпринимавшимися центральными и местными властями в целях обеспечения хлебом армии и важнейших промышленных центров и иногда не умещавшимися в рамках существующих на местах регулирующих продовольственных органов (чрезвычайные отправки зерна и муки в крупнейшие промышленные центры особыми составами и пр.).

ПЕРЕСТРОЙКА САМОДЕРЖАВИЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ САХАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ТОРГОВЛИ

В сахарной промышленности и торговле, где государственно-монополистический капитализм еще на рубеже XIX—XX вв. оформился в достаточно стройную систему взаимодействующих предпринимательских союзов и государственных органов, в годы войны происходит ее радикальная перестройка с учетом требований чрезвычайных обстоятельств времени. Как известно, механизм государственной сахарной нормировки, действующей до войны, был нацелен на ограничение производства сахара и установление на него с помощью демпинга высоких цен на внутреннем рынке, обеспечивающих прибыли монополистов-сахарозаводчиков и верные доходы казне. В результате последовательного проведения этой линии, даже по официальным данным (Особой комиссии Министерства финансов), было «задержано устройство новых крупных заводов и положен предел производству сахара» [112]. Это основное направление государственного регулирования первоначально сохранялось и во время войны, хотя методы и формы несколько видоизменялись и постепенно дополнялись новыми.

В первые месяцы войны сахарозаводчики и правительство были обеспокоены не необходимостью бесперебойного снабжения населения сахаром, а возможным падением на него цен в связи с

сокращением вывоза. Удовлетворяя требования сахарозаводчиков, Министерство финансов в августе 1914 г. учредило в Киеве при управляющем местной конторой Государственного банка финансовый комитет, в который вошли и сахарозаводчики. Этот орган должен был оказывать помощь нуждающимся в кредите предприятиям [113]. Одновременно Всероссийское общество сахарозаводчиков (ВОС) обратилось к министру финансов «с ходатайством о расширении кредита, открытого в обеспечение акциза за выпускаемый сахар под сахарные заводы», и добилось издания временного закона об увеличении залоговых сумм, открываемых под сахарные заводы [114]. Сахарозаводчики решительно возражали даже против выпуска сахара на рынок из «запасов». Они утверждали, что повышение цен на сахар в районах, удаленных от его производства, объясняется исключительно отсутствием железнодорожного подвоза и что в местах производства цены ниже предельных [115]. Как и в прежние годы, ВОС, определяя размеры производства сахара на 1915/16 годы, в начале 1915 г. все еще руководствовалось предположением, что предложение сахара в стране превышает потребность. В подготовленном расчете производство сахара ограничивалось 110 млн. пуд. при неприкосновенном запасе в 10 млн. пуд.[116] Хотя 23 июня 1915 г. в соответствии с представлением министра финансов были увеличены предельные нормы производительности и выпуска продукции сахарных заводов, принципы политики правительства при проведении сахарной нормировки оставались непоколебимыми. Правда, на заседании Совета министров 29 мая 1915 г. уже поднимался вопрос о пересмотре принципов существующей сахарной нормировки и об отмене ограничений при производстве сахара. Однако это предложение не имело положительного отклика [117].

Нередко новые меры, регламентирующие сахарное производство, на деле способствовали обострению продовольственного вопроса. Именно так следует оценить результаты установления 9 октября 1915 г. твердых цен на сахар при закупках его интендантством и заготовках различными организациями, обеспечивающими военные нужды.

Уровень твердой цены на сахарный песок был определен с максимальным учетом интересов сахарозаводчиков. В основу цены сахарного песка (в соответствии с которой вырабатывались цены на рафинад и оптовые цены в районах потребления) были положены исчисления себестоимости его, представленные ВОС. В официальной справке признавалось, что «установленная основная твердая цена вполне отвечала желаниям сахарозаводчиков и в октябре 1915 г. превышала цены на песок, стоявшие на киевской бирже, на 60—70 коп. в пуде». Далее царские чиновники откровенно заявляли, что «установление твердых цен в таком явно преувеличенном размере было принято Особым совещанием

сознательно, в целях покрытия возможного повышения стоимости производства в будущем» (!) [118].

Подобная предупредительность и забота правительства дали свои результаты, обеспечив неуклонный рост цен и развитие спекуляции. Вольные цены на рынке, естественно, поднялись выше твердых, и расхождения между ними неуклонно увеличивались. В указанной справке далее подчеркивалось: «Хотя цены постановления 9 октября были установлены в очень большом размере, превышающем значительно себестоимость продукта, однако в ближайшем же времени обнаружилась тенденция сахарозаводчиков к дальнейшему повышению цен: неуклонно и постепенно на рынке стала все в большей степени проявляться раздвоенность цен — твердой и вольной, расхождение коих достигло все больших размеров. Такое раздвоение обусловило невозможность регулировать цены на местах потребления в соответствии с ценами 9 октября: таксы, установленные было согласно этим ценам, постепенно были отменены, так как достать продукт по твердой цене оказалось невозможным» [119].

Правительство пожинало плоды своей политики. Все более обнаруживается недостаток сахара и наблюдается резкий рост на него цен в районах потребления. Даже интендантское ведомство вынуждено было иногда осуществлять закупки по ценам, превышавшим твердые [120]. В Киеве цена рафинада в конце года достигала 8,5 руб. за пуд при норме в 6 руб. 20 коп.[121] Усилия губернских уполномоченных Особого совещания по продовольствию обеспечить закупки сахара по твердым ценам оказывались бесплодными. Сахарозаводчики прямо указывали на неудачу их миссии и все более сетовали по поводу трудностей, возникавших в снабжении заводов топливом и материалами [122]. «При таких условиях правительственная нормировка сахарного производства, построенная на предположении, что производство сахара превышает потребность в нем внутреннего рынка, лишалась своего основания» [123].

Чрезмерный рост цен на сахар и трудности с закупкой его для нужд армии, вызванные вакханалией спекуляции, заставили правительство централизовывать заготовку сахара и ввести систему распределения его между потребительскими рынками. Значительным шагом в этом направлении явилось учреждение 20 января 1916 г. в Киеве Центрального бюро по объединению закупок сахара («Центросахара») [124]. Председателем Бюро первоначально был назначен местный уполномоченный Особого совещания по продовольствию М. А. Суковкин, возглавлявший Киевское земство и близко стоявший к сахарозаводчикам, а затем В. Я. Орлов, попавший на эту должность из акцизного управления Киевской губернии и имевший с сахарозаводчиками старые дружеские контакты. Хотя в Бюро преобладали чиновники, но в него в качестве

постоянного представителя бюро рафинеров вошел А. Ю. Добрый и из ВОС — К. В. Фишман [125]. При решении наиболее важных вопросов голос сахарозаводчиков оказывался решающим. Ал. А. Бобринский утверждал, что «самую мысль об устройстве Центрального бюро, имеющего цель пресечь возможность злоупотреблений, подал именно А. Ю. Добрый в одном из заседаний у уполномоченного Особого совещания М. А. Суковкина» [126]. Бюро создавалось при самом активном участии крупнейших сахарозаводчиков, представителей их монополистических союзов. На заседаниях 29 декабря 1915 г. и 5 января 1916 г., где разрабатывалось положение о Центральном бюро, от ВОС присутствовали Ан. А. Бобринский, М. И. Терещенко, М. П. Шестаков, Л. И. Бродский, Ф. Б. Фундаковский, К. В. Фишман, а от Бюро рафинеров — П. В. Ланге и А. Ю. Добрый. Помимо официальных представителей указанных организаций эти лица постоянно приглашались и регулярно присутствовали на важнейших заседаниях Бюро.

Признавая неизбежность дальнейшего развития регулирования сахарного рынка, монополисты сахарной промышленности пытались ограничить его в первую очередь мерами, непосредственно не затрагивающими их материальных интересов. Постановление о Центральном бюро первоначально довольно решительно ограничивало лишь деятельность скупщиков и перекупщиков сахара, доставлявших его в различные районы страны. Все без исключения закупки сахара для тех или иных местностей сосредоточивались теперь под контролем соответствующих уполномоченных председателя Особого совещания по продовольствию. Они должны были направлять требования на сахар (в пределах норм, установленных Особым совещанием для их губерний) в Киевское центральное бюро по распределению сахара. «Центросахар» сосредоточивал у себя все сведения о запасах и движении сахара на заводах и складах, полученные как от сахарозаводчиков, так и местных управлений акцизных сборов, и распределял требования на сахар между отдельными заводами [127]. Система предоставления подобных сведений отвечала интересам сахарозаводчиков. При этом, бесспорно, оставались возможности и для пересмотра «ошибочных» решений, ибо постановление о создании Бюро предполагало, что «в основании разверстки принимается как производительность отдельных заводов, так и сравнительная близость их к месту назначения покупаемого сахара» [128]. Монополисты не очень-то спешили открыть до конца все свои резервы, пытаясь оставить какую-то часть продукции вне контроля «Центросахара». В частности, Бюро рафинадных заводчиков долго не представляло полного списка всех заводских складов, несмотря на предложение «Центросахара» [129].

Следовательно, постановление не только не посягало на пра-

ва монополистов сахарной промышленности, а, наоборот, укрепляло их позиции, оно позволяло (ограничив разгул стихийной спекуляции, усиливавший рост дороговизны и недостаток сахара и вызывавший возмущение в широких слоях населения) делать реальные шаги в направлении упорядоченного и организованного ограбления трудового населения страны в своих корыстных интересах. На практике, однако, Центральное бюро встретилось с рядом существенных трудностей. По мнению руководителей бюро, они объяснялись тем, что деятельность его началась в разгаре сахарной кампании 1915/16 г., «когда все нити коммерческих взаимоотношений между рафинерами, песочниками, банками, спекулянтами и частными получателями переплелись в сложную и запутанную сеть». Положение усугублялось и тем, что затруднения с железнодорожным транспортом сильно обострились, а губернские уполномоченные оказались плохо осведомленными о задачах и правах «Центросахара». Сахарозаводчики также всячески уклонялись от выполнения нарядов Бюро по твердым ценам и даже от доставки ему необходимых сведений [130].

Особенно отрицательное значение имело сохранение дуализма в ценах. Песочные и рафинадные заводы продолжали уклоняться от выполнения заказов для нужд армии по твердым ценам, отдавая явное предпочтение более высоким рыночным ценам. Даже первоначальная разверстка рафинада для интендантства, проведенная при участии Бюро рафинеров, оказалась неэффективной. Некоторые заводы заявляли о невозможности выполнения заказов ввиду отсутствия запасов «интендантских» сортов. На деле же эти запасы (по результатам проверки) оказались весьма значительными. Песочные заводы в свою очередь уклонялись от выполнения заказов рафинадных заводов по твердым ценам [131].

Такое положение заставило в середине февраля 1916 г. «Центросахар» поставить вопрос о закупках всего сахара государством [132]. По данным органа Особого совещания по продовольствию, закупка всего свободного сахара государством «была сочтена желательной и представителями сахарозаводчиков». Однако действительная позиция монополистов в этом деле была более сложной. Они, видимо, не хотели раскрывать своих карт на предварительной стадии обсуждения. Немного позже они определили свою позицию несколько иначе. В телеграмме от 1 марта, подписанной от имени ВОС Ан. А. Бобринским (накануне обсуждения этого вопроса в комиссии по дороговизне Особого совещания по продовольствию) заявлялось: «Такая мера, окончательно парализуя свободную торговлю сахаром, внесет коренное расстройство в сложившийся уклад сахарной промышленности, затруднит для сахарозаводческих предприятий пользование кредитом и, лишив их уверенности в завтрашнем дне, может повести к сокращению предстоящего посева свекловицы». Сахарозаводчики предлагали

сохранить свободную торговлю сахаром, соглашаясь отчислять по твердым ценам на нужды интендантства лишь определенную долю производства всех сахарных заводов [133].

Телеграмма сразу же оказала определенное воздействие. Комиссия по дороговизне 4 марта 1916 г. ограничилась решением о необходимости распространения твердых цен на все закупки сахара. Особое совещание по продовольствию 8 марта подтвердило это решение в весьма двусмысленной формулировке [134]. 24 марта в постановлении министра земледелия о введении разрешительной системы на покупку сахара вопрос о твердых ценах был сформулирован таким образом, что сахарозаводчики имели основание заявлять о своем праве не соблюдать твердые цены, что, по их мнению, не являлось преступлением перед законом [135].

Что же касается представления «Центросахара» о закупке правительством всей оставшейся на заводах наличности сахара, то этот проект «встретил непреодолимые препятствия с финансовой стороны, что и послужило причиной замены его разрешительной системой» [136].

Оценивая деятельность «Центросахара», его руководители утверждали, что, несмотря на все трудности, ему удалось «удовлетворительно выполнить главнейшую свою задачу: организовать снабжение сахаром армии, остановить чрезмерный рост цен на сахар и оказать известную помощь сахарным заводам в деле получения ими топлива и необходимых для производства материалов» [137]. Для сахарозаводчиков, в частности, большое значение имел созданный в «Центросахаре» отдел содействия промышленности, поддерживавший их ходатайства о снабжении топливом, машинами и орудиями, о предоставлении отсрочек от призыва в армию рабочим и служащим и т. п.[138]

Все регулирование сахарного производства соответствовало корыстным интересам сахарозаводчиков, по-прежнему сбывавших большую часть сахара на частном рынке. Так, в марте 1916 г. по нарядам «Центросахара», т. е. по твердым ценам, было продано 1935 тыс. пуд. из 6733 тыс., а в апреле — 3589 тыс. из 5097 тыс. пуд.[139] Особенно неудовлетворительным оставалось регулирование сахарной торговли на местах, что признавалось в докладе «Центросахара» от 23 июля 1916 г. На местах плохо представляли, что «распределение сахара всем местным учреждениям должно производиться исключительно» через уполномоченных, в результате чего «потребители испытывали большие неудобства» [140].

Разрешительная система не исключала возможности продажи сахара по более высоким ценам самими сахарозаводчиками, если даже сделки и оформлялись по твердым ценам. Поскольку отпуск сахара с заводов был свободным, а разрешительная система распространялась лишь на железнодорожные перевозки и перевозки по водным путям, то обход правил 24 марта осуществлялся при

вывозе сахара с заводов гужем. Практика эта имела весьма широкое распространение. Нарушению постановления способствовали и местные уполномоченные, во что бы то ни стало стремившиеся заполучить сахар и выдававшие удостоверения и на партии, закупленные по более высоким, а не твердым ценам. Поэтому «Центросахару» пришлось ввести новый порядок вывоза сахара с заводов только по его разрешениям и установить обязательный порядок закупки «через уполномоченных и Центральное бюро, которое уже само рассчитывается с заводами» [141].

Эта мера немедленно вызвала ходатайства сахарозаводчиков о предоставлении им оборотных средств в виде ссуд под сахар, лежавший на заводах. 3 июня 1916 г. Совет Государственного банка принял соответствующее решение. Если первоначально «Центросахар» получал через Государственный банк еженедельно 1 млн. руб. для закупки сахара, то летом 1916 г. эта цифра достигла 5 млн. руб.[142] В июле 1916 г. оборотные средства «Центросахара» составляли уже 20 млн. руб.[143]

Однако вновь введенные меры, регламентирующие сахарную торговлю, оказывались недостаточно эффективными. «Твердое и систематическое уклонение сахарных заводов от своевременного исполнения нарядов Центрального бюро по объединению закупок сахара,— указывалось в докладе о деятельности отдела инспекции от 23 июня 1916 г.,— с каждым днем усиливалось». Поэтому при Центральном бюро для выяснения причин неисполнения заводами нарядов создается отдел инспекции, обнаруживший массовое уклонение сахарных заводов от выполнения нарядов [144].

«Естественное» стремление сахарозаводчиков продавать продукцию своих предприятий по максимально высоким ценам и воздерживаться от поставки ее на «невыгодных» условиях вызывало серьезные трудности при заготовке сахара для нужд военного ведомства. Оно становится источником трения между ними и руководителями «Центросахара», обязанными все же обеспечивать снабжение армии и населения. «Центросахару» от уговоров пришлось перейти к требованиям, угрозам, а в конце концов и к действиям. Он вынужден был прибегнуть к массовым секвестрам сахара для нужд интендантства, что послужило одной из причин обострения недовольства и протестов сахарозаводчиков. Оно проявилось, в частности, в записке «На пути к расстройству сахарной промышленности и снабжения рынков сахаром», подписанной И. Харитоненко и отпечатанной типографским способом [145]. Недовольство «Центросахаром» отразилось даже на страницах общероссийского предпринимательского официоза. Журнал «Промышленность и торговля» в июле 1916 г. публикует ряд статей с выпадами против «Центросахара», в которых недостаток сахара на рынке в известной степени объяснялся деятельностью этого органа и губернских уполномоченных Особого совещания по продо-

вольствию. Проектируемая в это время в правительственных учреждениях монополия на сахар подвергалась запальчивой критике. По поводу авторов этих проектов заявлялось с прозрачными намеками в адрес монополистов других отраслей промышленности и торговли: «Почему-то сахар удостоился особого их внимания, тогда как даже при спекуляции всякого рода посредников и перекупщиков цены на него не поднимались относительно так высоко, как, например, цены на зерно и муку, каменный уголь, нефть, металл, мануфактуру и мн. др. нужнейшие продукты и материалы» [146]. Один из руководителей ВОС М.-Ю. Цехановский заявлял даже со страниц журнала о «деятельности сахаропродовольственной организации, выходящей за пределы закономерности и нарушающей без всякой необходимости интересы сахарной промышленности». Он уверенно утверждал далее, что такая линия не достигнет, однако, своей цели [147].

Представители сахарной промышленности особенно решительно выступали против разработанного проф. П. Г. Мигулиным проекта сахарной монополии, который обсуждался в Особой комиссии по косвенным налогам и монополиям в Министерстве финансов [148]. Опасения в «антисиндикатском» характере будущей сахарной монополии являлись, видимо, причиной резко отрицательного отношения к ней руководителей монополистических союзов сахарозаводчиков. Имели ли эти опасения какие-нибудь реальные основания? Если исходить из общих закономерностей развития, то проекты, нацеленные на предотвращение возникновения трестов и в то же время призванные обеспечить государственную монополию, имели явно утопический характер. Осуществление казенной сахарной монополии без монополистических союзов и магнатов финансового капитала, сосредоточивших в своих руках реальный контроль над сахарным производством, в конкретных условиях того времени невозможно представить. Альтернативой могла бы быть национализация всей сахарной промышленности, но о такой форме государственного регулирования в правящих верхах никто даже не помышлял. Однако у монополистов-сахарозаводчиков имелись известные основания для тревоги. Объясняется это тем, что несоответствие между проектами, декларативными заявлениями и воплощением их в жизнь при реально существующих социально-экономических отношениях выяснялось лишь в ходе создания и деятельности тех или иных органов государственного военно-хозяйственного регулирования. Только в процессе складывания новых государственно-монополистических институтов и в их практической деятельности выяснялись истинные взаимоотношения государственных органов и монополистических союзов. До этого же могла сохраняться известная тревога, имевшая почву и в представлениях буржуазных экономистов, о всесилии царизма в экономической сфере, о способности самодержавного

государства оказывать решающее воздействие на все стороны экономической жизни страны. Имело значение и то, что чрезмерно активная деятельность некоторых групп сахарозаводчиков, стремившихся укрепить свои монополистические позиции и обеспечить военные сверхприбыли, в правительственных верхах не только оценивалась весьма неодобрительно, но и послужила причиной для некоторых беспрецедентных акций.

Еще перед первой мировой войной в монополистических союзах сахарозаводчиков наметилась тенденция к перераспределению сил, к возрастанию роли в них представителей крупнейших петроградских банков, утвердившихся в важнейших предприятиях сахарной промышленности и начинавших их объединение в группы трестовского типа. Особенно активно в этом направлении действовали Русский для внешней торговли и Русско-азиатский банки. Процесс этот продолжался и в военные годы [149]. В октябре 1915 г. в донесении главнокомандующему армиями Северного фронта заявлялось, что во Всероссийском обществе сахарозаводчиков «произошла перегруппировка и во главе всего дела встали... Гепнер и Абрам Добрый. Гепнер оказался владельцем заводов Терещенко и его финансирует Русско-азиатский банк, а Добрый — владельцем заводов Бродского, он же директор Киевского отделения Русского для внешней торговли банка. При поддержке указанных банков Гепнер и Добрый дирижируют в Союзе сахарозаводчиков, устанавливают количество производства, цены на сахар, место его хранения и определяют количество товара, подлежащего выпуску на рынок» [150].

В 1916 г. роль Русского для внешней торговли банка в сахарном производстве и в сахарной торговле еще более возросла. По-видимому, банк контролировал до $^1/_3$ всей сахарной продукции, поступавшей на рынок. Активизировались в сахарном производстве и другие крупнейшие банки (Петроградский Международный, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской, Русско-азиатский и пр.) [151]. Однако процесс утверждения банков в сахарной промышленности имел сложный и противоречивый характер. Наряду с взаимными интересами, объединявшими действия старых лидеров сахарозаводчиков (Бобринских, Бродских, Терещенко и др.) и представителей крупнейших банков, проникавших в те или иные предприятия, между ними происходила, видимо, подспудная борьба. Не исключено, что с этим и связаны необычно решительные акции военных властей по отношению к банковским воротилам, стремившимся задавать тон в монополистических союзах сахарозаводчиков и развившим особо хищническую деятельность в сахарном деле. По приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева комиссия генерал-майора Н. С. Батюшина в сентябре — октябре 1916 г. обследовала некоторые банки и деятельность лиц, занимавшихся

спекуляцией в целях личной наживы. «При обысках в киевских отделениях Русского для внешней торговли банка, Международного банка, в правлениях Александровско-Корюковского, Тульско-Черкасского и Могилянского товариществ сахарных заводов и у киевских сахарозаводчиков Израэля Бабушкина, Иоеля Гепнера и Абрама Доброго были обнаружены материалы, уличающие как этих лиц, так и других, причастных к сахарной промышленности, в злостной спекуляции сахаром, умышленном сокращении выпуска сахара на внутренний рынок империи, сосредоточении сахара в пунктах, где в этом не встречалось необходимости, вывозе сахара за границу во время войны в ущерб снабжению таковым населения и, наконец, в преступном противодействии снабжению сахаром армии» [152]. Вслед за тем в конторе ВОС и на квартире уполномоченного правления общества в Петрограде М. Ю. Цехановского состоялись обыски и изъятия текущей переписки. Такие же акции были произведены в правлениях Русского для внешней торговли и Петроградского Международного банков [153].

Дело приняло настолько крутой оборот, что помещикам-сахарозаводчикам пришлось выручать воротил финансового капитала, попавших в беду. Совладелец Смелянского завода и брат председателя ВОС, министр сельского хозяйства Ал. А. Бобринский 24 сентября обратился с письмом к М. В. Алексееву, в котором настойчиво опровергал обвинения в адрес Доброго [154]. Он и его брат усиленно добивались передачи дела сахарозаводчиков в руки гражданских судебных властей, которые (как того можно было ожидать) не обнаружили в действиях капиталистов никакого состава преступления. Тем не менее военные власти намеревались выслать организаторов спекуляции за пределы района военных действий, а некоторых даже в Якутскую область. Лишь благодаря вмешательству министров внутренних дел и юстиции они были помилованы царем [155].

Помощь, оказанная дворянами-сахарозаводчиками банковским деятелям, попавшим в беду, объективно способствовала укреплению «равновесия» во Всероссийском обществе сахарозаводчиков в их пользу. Карательные меры правительства отразились лишь на позициях отдельных групп, в известной степени способствуя их временному ослаблению. Несмотря на эти единичные карательные акции по отношению к отдельным зарвавшимся представителям банковского капитала, государственное регулирование сахарной промышленности и торговли осуществлялось в конечном итоге все же с учетом коренных интересов монополистических организаций и крупнейших банков.

Публичные «нападки» сахарозаводчиков на «Центросахар» и Особое совещание по продовольствию имели своим последствием один реальный результат. Министр земледелия летом 1916 г.

обратился к министру финансов с письмом, в котором, основываясь на том, что деятельностью продовольственной организации фактически уже осуществлена монополизация сахарной торговли, что «ее остается использовать лишь в целях фискальных», предлагал передать все снабжение сахаром в руки Министерства финансов. Однако против такого проекта решительно высказались сами сахарозаводчики. Их представители заявили, что осуществление его приведет к разорению промышленности [156]. Не менее решительную позицию занял и министр финансов, который в письме на имя председателя Совета министров Б. В. Штюрмера утверждал, что в распоряжении Министерства финансов «не имеется в настоящее время сколько-нибудь налаженной организации, которая могла бы быть приспособлена для удовлетворительного выполнения крайне важной и ответственной задачи снабжения населения сахаром».

Министр указывал также на невозможность изъятия торговли сахаром из общего дела продовольственного снабжения, сосредоточенного в Министерстве земледелия [157].

Мотивы, заставлявшие сахарозаводчиков отказываться от более тесного сотрудничества с Министерством финансов, с которым они имели регулярные стародавние контакты в связи с осуществлением сахарной нормировки и регламентацией заграничного вывоза, на первый взгляд, не очень понятны. Их позиция не кажется странной лишь при учете некоторых других факторов. Дело в том, что судьба министра земледелия А. Н. Наумова, при котором было подготовлено предложение о сосредоточении всего регулирования сахарного производства в Министерстве финансов, чья позиция по вопросу о твердых ценах, в частности, расходилась со взглядами Б. В. Штюрмера, была уже предрешена. Смущали сахарозаводчиков и проекты Мигулина, обсуждавшиеся в Министерстве финансов. Преемником же Наумова становился Ал. А. Бобринский. Являясь лидером правых в Государственном совете и занимая видное место в придворной иерархии (егермейстер), он и ранее вел конфиденциальные частные переговоры с министрами в интересах сахарозаводчиков по прямым просьбам Ан. А. Бобринского и Цехановского [158]. Возможности Бобринского особенно расширились после появления на посту председателя Совета министров его старого школьного товарища Б. В. Штюрмера, в течение десятилетий связанного с ним регулярной перепиской. Так, в начале осени 1916 г. Ал. А. Бобринский встречался с Б. В. Штюрмером для обсуждения положения сахарной промышленности в неофициальной обстановке. На беседе присутствовали сенатор В. Ф. Дейтрих, назначенный с чрезвычайными полномочиями ревизовать сахарную промышленность, и товарищ министра внутренних дел, занимавшийся вопросами дороговизны, Н. А. Оболенский [159].

С первых же шагов деятельности на новом высоком посту Бобринский всячески оправдывал надежды сахарозаводчиков. Заместителю председателя «Центросахара» И. Г. Чернышу, руководившему всей его практической работой, в последних числах июля новый министр бросил упрек: «Вы нервируете без того нервных сахарозаводчиков». Через месяц Черныш, после того как он передал все дела новому председателю В. Я. Орлову, был уволен в отставку [160].

Под руководством Бобринского работа всех частных и государственных органов в регулировании сахарного производства и торговли в интересах монополистов приобретает большую стройность и четкость. При его непосредственном участии или прямом содействии были приняты меры по обеспечению нормальной жизнедеятельности сахарных заводов. Осенью 1916 г. Бобринский добился разрешения на перевод 15 тыс. военнопленных, занятых на сельскохозяйственных работах в Херсонской, Таврической, Полтавской, Киевской и Харьковской губерниях, на сахарные заводы. В результате новых представлений количество военнопленных на сахарных заводах еще более увеличилось и к концу года достигло 50 тыс. человек. Благодаря ходатайствам министра земледелия, военнопленных на уборке сахарной свеклы заменяли выздоравливающие нижние чины, число которых достигло 15 тыс. человек. По настоянию Бобринского, сахарные заводы были приравнены к учреждениям, работающим на оборону, что дало возможность сохранить необходимых специалистов (служащих и рабочих) путем отсрочки от призыва [161]. Еще более успешно была разрешена и топливная проблема, благодаря назначению сахарным заводам перевозок угля в порядке первоочередности и внеочередности. В результате столь радикальной меры, по признанию самих сахарозаводчиков в октябре 1916 г., «сахарные заводы до последнего времени недостатка топлива не испытывали» [162].

Заметную роль в делах сахарного снабжения при Бобринском стал играть Совещательный комитет «Центросахара», собиравшийся под руководством председателя бюро. Здесь представители Бюро рафинеров и ВОС имели значительно больший удельный вес, чем на пленарных заседаниях «Центросахара». На заседаниях Совещательного комитета предварительно обсуждались как принципиальные вопросы регулирования сахарного производства (о составлении плана снабжения населения сахаром на новый период сахароварения, о финансировании сахарной промышленности, о твердых ценах на сахар и пр.), так и предрешались повседневные текущие дела (о посылке представителей «Центросахара» в пункты передачи военнопленных, о порядке выпуска на рынок рафинадной патоки и пр.) [163]. Разработка деталей регулирования сахарной промышленности и торговли производилась в специальной комиссии «Центросахара», в которой были широко

представлены как сахарозаводчики, так и деятели частных коммерческих банков. Так, 8 августа 1916 г. здесь обсуждался вопрос о финансировании и об урегулировании расчетов между банками и сахарозаводчиками по кредитным операциям. Заводчики добивались авансов под сахар, приобретаемый для нужд армии, и включения взимаемых по ссудам процентов в твердые цены сахара. Они указывали на желательность установления посредничества «Центросахара» между банками и заводами. По их мнению, «Центросахар» должен был получить полномочия Особого совещания по продовольственному делу на выдачу владельцам заводов от имени казны гарантий своевременного погашения ссуд. Представители же ведомств полагали, что достаточно ограничиться выдачей соответствующих удостоверений «Центросахара» [164]. Как видно из доклада «Центросахара» от 13 августа, банки хотели иметь гарантию в получении от «Центросахара» денег за предоставленные заводчикам ссуды под сахар в первую очередь, ранее оплаты каких-либо других долгов. Но в принципе они не отрицали возможности открытия кредита владельцам заводов и при получении не гарантий, а удостоверений «Центросахара». Однако они требовали, чтобы «Центросахар» получил указание о первоочередном погашении подтоварных кредитов частных коммерческих банков. По их мнению, «без такого разъяснения удостоверения, выдаваемые Центральным бюро, не достигнут цели» [165].

Дальнейшая разработка этой колоссальной финансовой операции, размеры которой при обеспечении закупок сахара сезона 1916/17 г. определялись в 350 млн. руб., происходила в комиссии Министерства финансов, где наряду с представителями ведомств присутствовали и руководители крупнейших петроградских частных коммерческих банков. В результате обсуждения этого вопроса комиссия остановилась на двух формах сделок: 1) заводы, получив от банков авансы, совершают на их имя передачу прав на получение платежей от Центрального бюро; 2) Центральное бюро принимает сахар не от самого завода, а от банка, который финансирует данный завод. При этом банк совершает с финансируемым заводом сделку и получает от него по поручению и за счет Центрального бюро все годовое производство сахара. В обоих случаях банк определял максимальный размер допустимого по состоянию данного завода кредита. Представители частных коммерческих банков свое участие в операциях по казенной сахарной монополии обусловливали также дополнительными кредитами Государственного банка [166].

Предлагаемый план финансирования сахарной промышленности, обеспечивающий государственную монополию в торговле сахаром, обусловливал и изменение порядка получения акцизного сбора. Обязанность внесения акцизного сбора, по мнению комис-

сии, следовало снять с заводов и возложить на «Центросахар». На основании указанных решений междуведомственного совещания министр финансов 14 сентября 1916 г. просил министра земледелия сделать соответствующее указание «Центросахару». После получения ответа взнос акциза циркуляром Министерства финансов был возложен на «Центросахар» [167].

Основы государственной сахарной монополии были заложены, следовательно, еще накануне Февральской революции. Осуществление ее означало очередной шаг по укреплению позиций банков в сахарной промышленности. Для них открывались более широкие возможности прочного овладения сахарными предприятиями, чему способствовали указанные выше формы финансирования сахарных заводов. В особенности же такие последствия были возможны при передаче заводами всей их продукции в полное распоряжение банков, что позволяло им окончательно подчинять заводы, более слабые в финансовом отношении. Было бы, однако, на этом основании ошибочно утверждать, что вся сахарная промышленность находилась уже «в кармане» у банков. На наш взгляд, процесс слияния банковского и промышленного капиталов в сахарном производстве далеко еще не был завершен. Важнейшей его составной частью являлось сближение крупнейших сахарозаводчиков (Бобринских, Ярошинского и др.), опиравшихся на монополистические союзы (Всероссийское общество сахарозаводчиков, Бюро рафинеров), с банковскими кругами.

Объединенные сахарозаводчики-монополисты вполне одобрительно оценили планы финансирования сахарной промышленности, намеченные 8 августа 1916 г. ВОС присоединилось к заключению «Центросахара». В своем письме от 11 октября правление Общества особенно одобряло решение комиссии «Центросахара» о доплате заводчикам по 5 коп. в месяц за пуд сахара, хранящегося на заводских складах после 1 января. В этом же письме определялись условия расчетов между песочными и рафинадными заводами. Обсуждение этого вопроса состоялось на расширенном заседании Совещательного комитета «Центросахара» 11 октября. Предложение ВОС было принято за основу решения. В протоколе заседания указывалось: «Признано желательным: распространить на рафинадные заводы выдачу удостоверений об уплате вместо завода банку причитающихся за рафинад денег, и такие же удостоверения выдавать песочным заводам об уплате следуемых от рафинадных заводов сумм после продажи рафинада» [168].

План снабжения рафинадных заводов песком в 1916/17 г. также обсуждался и согласовывался в комиссии «Центросахара». Проект этого плана был предварительно разослан на заключение рафинадных заводов. Принятый с соответствующими поправками, он рассматривался затем ВОС и с учетом замечаний последнего был окончательно утвержден [169]. Интересы этих монополистиче-

ских союзов совпадали и по главному теперь для сахарозаводчиков вопросу — об уровне твердых цен на сахар и сахарный песок. Обеспечивая себе максимальные монополистические прибыли с помощью государственного регулирования, они в конце 1916 — начале 1917 г. добивались пересмотра существующих твердых цен на сахар. Этот вопрос бы поставлен ВОС еще 5 сентября 1916 г. в ходатайстве на имя А. А. Бобринского, в котором предлагалось утвердить новые твердые цены на текущий сезон сахароварения хотя бы временно — на три месяца. Министр земледелия предложил Особому совещанию по продовольствию безотлагательно обсудить этот вопрос [170]. Разработка его была срочно передана в «Центросахар», где он стал предметом бурных обсуждений на комиссии и на пленарном заседании 10 и 12 сентября 1916 г. Рассматривались цифры себестоимости пуда сахара, представленные Акцизным управлением (3 руб. 87 коп.), «Центросахаром» (3 руб. 91 коп.) и Всероссийским обществом сахарозаводчиков (4 руб. 64,5 коп.). Все эти цифры были получены на основе разработки исходных данных, представленных сахарозаводчиками. По поводу цен, указанных сахарозаводчиками, представитель Государственного контроля заявил: «Цифровые данные, на которые приходится опираться, представлены заводчиками в таком виде, который чрезвычайно труден для анализа, ибо в этих данных отсутствуют элементы, из которых указанные цифры слагались». Несмотря на это, заводчикам удалось добиться в начале 1917 г. твердых цен на пуд сахара (без акциза) в размере 4 руб. 60 коп.[171] Однако и эта цена их теперь уже не удовлетворяла. Еще в конце 1916 г. вопрос о пересмотре твердых цен был снова поставлен на заседании Совещательного комитета «Центросахара». Указав, что твердые цены не являются «такой святыней, по которой нельзя дотронуться», сахарозаводчики добились права обратиться к ВОС с просьбой представить соображения на этот счет [172].

В годы первой мировой войны в царской России произошла перестройка государственно-монополистических органов в сахарном деле. Центр системы государственного регулирования постепенно сместился из Министерства финансов в Министерство земледелия, и стержнем его становится не ограничение производства с определением минимальных цен на сахар, а осуществление ряда государственных мер по поддержанию производственных мощностей заводов (обеспечение рабочей силой, топливом, материалами и пр.) с введением твердых цен и переходом к государственной монополии в торговле сахаром. Монополисты сахарной промышленности по-прежнему имели возможность оказывать решающее воздействие и на механизм новых государственных органов. Они подчинили их деятельность своим интересам, обеспечивая для себя наиболее высокие прибыли [173]. Возникшие в годы вой-

ны государственно-монополистические институты, объективно укрепляя позиции руководителей монополистических союзов в сахарном производстве и в сахарной торговле, способствовали также и дальнейшему развитию финансового капитала в стране.

РЕГУЛИРУЮЩИЕ ОРГАНЫ В ДРУГИХ ОТРАСЛЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. СКЛАДЫВАНИЕ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА МЕСТАХ

Государственно-монополистические тенденции в годы войны прокладывали себе дорогу и в менее значительных отраслях пищевой промышленности (кондитерской, соляной, маслобойной и пр.).

Накануне Февральской революции известное развитие они получили в кондитерском производстве.

Крупнейшие шоколадно-кондитерские предприятия России, сосредоточенные по преимуществу в Москве и Петрограде, еще в предвоенные годы практиковали монополистические соглашения о ценах на важнейшие виды продукции. Организационным центром этих соглашений являлось «Московское общество фабрикантов шоколадного и кондитерского производства», по инициативе которого и был монополизирован общероссийский рынок [174].

Недостаток сахара, обнаружившийся в России особенно в 1916 г., создал угрозу резкого сокращения кондитерского производства и заставил владельцев кондитерских предприятий добиваться ввоза заграничного сахара в Россию. Осенью 1916 г. Московское общество фабрикантов кондитерского производства, объединившее все кондитерские фабрики Москвы, и группа петроградских крупных бисквитно-шоколадно-кондитерских фабрикантов обратились в правительство с ходатайством. Они предложили детально разработанный план контроля над производством кондитерских фабрик, ассортимент которых предполагалось ограничить тремя типами изделий, более выгодных в смысле выхода готового продукта из одного пуда сахара. На каждый из этих видов продукции устанавливались единые оптовые цены. Контроль за продажей кондитерских изделий в Москве предполагалось возложить на местное общество фабрикантов, а в Петрограде — на существующие там группу семи крупных фабрикантов и кооператив средних и мелких кондитерских предприятий.

В дополнительной записке, поданной в Особое совещание по продовольствию, крупные фабриканты определяли детали расчетов, связанных с ввозом сахара из-за границы. Междуведомственная комиссия, обсуждавшая эти предложения 1 ноября 1916 г., с некоторыми поправками одобрила предложения кондитерских фабрикантов. Она ограничила количество ввозимого сахара и определила крайний срок его ввоза 1 августа 1917 г. [175]

Черты складывающейся государственно-монополистической организации в кондитерском производстве очевидны. Однако до Февральской революции она едва-едва начинала себя проявлять в практической деятельности.

Несколько иные формы взаимоотношений предпринимательских организаций с государственными органами складывались в соляной промышленности, концентрировавшейся в России в четырех основных районах (Пермском, Астраханском, Донецком и Крымском). В предвоенные годы сбыт соли в России был монополизирован обществом «Океан» и соглашением пермских солепромышленников. Хотя в годы войны в стране не было недостатка соли, цены на нее в районах потребления резко увеличивались. Она стала объектом спекулятивных махинаций, что вызывало рост недовольства населения [176]. Поэтому на заседании Особого совещания по продовольствию 31 марта 1916 г. был решен вопрос о введении твердых цен на соль в районах ее производства. При этом нормы твердых цен, установленные в соответствии с требованиями солепромышленников, оказались выше цен, существовавших на рынке. Царские чиновники совершенно сознательно пошли на такой шаг. Одновременно при уполномоченных Особого совещания по продовольствию в Харькове, Симферополе, Перми и Астрахани были созданы соляные комитеты, в которые наряду с местными чиновниками вошли представители земств и городов, биржевых комитетов и солепромышленников [177]. Для согласования действий соляных комитетов и обсуждения вопросов, связанных с установлением твердых цен на соль и организацией распределения соли в общероссийском масштабе, при Особом совещании по продовольствию была создана соляная комиссия, включившая представителей предпринимательских и буржуазных общественных организаций (Н. Н. Кутлера, В. Г. Громана, Н. Н. Савицкого, Д. И. Шаховского, П. Б. Струве) [178].

Реальная власть в деле регулирования соляной промышленности оказалась все-таки в местных комитетах, находившихся под контролем солепромышленников. Используя эти органы, они добивались установления выгодных для себя твердых цен, в соответствии с которыми определялись и продажные цены в важнейших распределительных пунктах соли. Через местные соляные комитеты солепромышленники получали и правительственные кредиты. Фактическое распределение соли от имени комитета производилось организациями солепромышленников. В частности, пермские солепромышленники отпускали соль от имени уполномоченных Министерства земледелия по Пермской, Уфимской и Вятской губерниям через своих комиссионеров, с которыми они имели договора об условиях продажи [179].

Что же касается соляной комиссии Особого совещания по продовольственному делу, то она не только не посягала на интересы

солепромышленников, но очень чутко прислушивалась к их мнениям. Так, 19 июля 1916 г. при пересмотре твердых цен на соль Астраханского района в комиссии возникли какие-то сомнения, и она постановила дополнительно запросить Астраханский соляной комитет, «не было ли возражений со стороны представителей солепромышленников против данных о стоимости добываемой соли, положенных в основание проектируемых соляным комитетом цен» [180].

Государственное регулирование торговли солью укрепляло позиции монополистов-солепромышленников. Твердые цены на соль вводились под их диктовку и обеспечивали получение высоких военных сверхприбылей.

Новые явления, связанные с перестройкой народного хозяйства страны в военных условиях, в известной степени коснулись и маслобойного дела. Здесь еще до войны наблюдалась централизация производства при участии крупнейших петроградских банков (Русско-Азиатского, Сибирского и др.). Процесс этот протекал как в производствах подсолнечного, так и хлопкового масла. Он был связан с обеспечением сырьевой базы для технических твердых жиров, которые шли на изготовление стеарина, мыла и глицерина. Эти объединительные тенденции еще не получили окончательного завершения, хотя все же привели к созданию «Салолина» и «Саломаса» [181]. Русско-Азиатскому банку, в частности, несмотря на стремление овладеть производством и рынком хлопкового масла (через «Салолин»), так и не удалось осуществить эту идею [182].

В годы войны значительное количество растительных жиров по-прежнему направлялось на технические цели. Однако чем дальше, тем больше растительные жиры начинают заготовляться для продовольственных целей на нужды армии. В сентябре 1916 г. Министерство земледелия приняло решение о приобретении 1 млн. пуд. хлопкового масла через Московский областной ВПК. Комитету была поручена закупка масла по контракту с маслобойными заводчиками по цене 10 руб. 50 коп. за пуд и ассигнованы необходимые средства [183]. Если учесть закупки масла для нужд «Салолина» и других стеариновых предприятий (в частности, стеариновые и мыловаренные заводы Петрограда почти целиком перешли на сырье из хлопкового масла), то по существу Московский ВПК намерен был приобрести в централизованном порядке бóльшую часть продукции, ранее поступавшей на вольный рынок [184]. Показательно также, что Комитет имел договоры не только с заводами, контролировавшимися Русско-Азиатским банком (Андреевское торгово-промышленное товарищество), но и с предприятиями, входившими в группировку «Беш-боша» (Торг-пром. т-во «Бош-бош», Торг. дом бр. Крафт, Потеляховское торгово-промышленное т-во и др.) [185]. Все это еще раз под-

тверждало, что процесс монополизации производства хлопкового масла интенсивно продолжался и в годы войны, когда здесь наблюдалось известное перераспределение сил.

К началу 1917 г. появились проекты государственного регулирования яичной торговли и создания для этой цели государственно-монополистических органов. Инициатором выступает биржевой комитет Петроградской яичной, масляной и курятно-дичной биржи, в докладной записке которого в Министерство земледелия в январе 1917 г. предлагалось для выработки твердых цен и условий покупки яиц с возов и продажных цен для сдачи их армии учредить особое бюро из девяти лиц. При этом шесть мест предполагалось предоставить Петроградской яичной бирже, Московской бирже пищевых продуктов и Воронежскому биржевому комитету. Только три человека должны были представлять ведомства. Проект не получил одобрения в министерстве. Однако переговоры продолжались, и 23 февраля 1917 г. биржевой комитет изъявил свое согласие приступить «к организации яичных фирм для предстоящей закупки яиц» при том условии, если министерство найдет возможным решить, что исключительная «закупка и заготовка яиц для армии предоставляется яичным фирмам, вошедшим в союз» [186].

Заготовка сливочного масла в Сибири производилась через союз сибирских маслодельных артелей. Поэтому Министерство земледелия поощряло развитие маслодельного производства в Сибири, охотно выдавая значительные авансы для строительства новых кооперативных маслодельных заводов [187].

Кредитная кооперация Западной Сибири с первого же года войны, при поддержке Петропавловского отделения Государственного банка занималась закупкой для нужд армии пшеницы, муки и овса. В 1914—1916 гг. западносибирские кооперативы заготовили почти 6 млн. пуд. зерна. Заготовка велась 104 учреждениями мелкого кредита, концентрировавшимися в пяти объединениях (Петропавловском, Петуховском, Лебяжьевском, Микутинском, Курганском). Ввиду незначительности авансов, выдаваемых от уполномоченных Министерства земледелия, учреждения мелкого кредита вынуждены были, нарушая устав, использовать для закупок свои оборотные средства. Объяснялось это тем, что по существующей инструкции уполномоченные Министерства земледелия вообще не имели права авансировать учреждения мелкого кредита. Если это и делалось, то вопреки инструкции [188]. При поддержке Государственного банка кредитные кооперативы Сибири построили элеваторы с механическим оборудованием на ст. Лебяжье (200 тыс. пуд.) и на ст. Курган (300 тыс. пуд.) и ряд складских помещений. В начале 1917 г. намечалось строительство нескольких элеваторов и механизированных складов [189]. Известным шагом вперед на пути консолидации кредитной коопе-

рации явились попытки создания акционерного кооперативного объединения по сбыту хлеба. План этот отчасти осуществился при оформлении «Закупсбыта», центр деятельности которого переместился, однако, на снабжение местного населения предметами первой необходимости [190].

На Дону и Северном Кавказе кредитная кооперация также была привлечена к заготовке хлеба для армии. Первоначально эти заготовки осуществлялись через посредническое бюро Доно-Кубано-Терского сельскохозяйственного общества. С начала же 1915 г. кредитные товарищества поставляли хлеб непосредственно уполномоченному. В поставках хлеба в районе Ростовской конторы Государственного банка в 1914—1915 гг. приняло участие 42 кредитных товарищества. Процедура нормальной закупки хлеба выглядела так: «Товарищества принимали от своих членов в залог хлеб, запродавали затем его уполномоченным через инспекции мелкого кредита и уплачивали впоследствии залогодателю излишки с цены, удерживая в пользу товарищества небольшое комиссионное вознаграждение, которое не превышало 2%». В общем итоге в 1914—1915 гг. в Донской области кооперативами было заготовлено свыше 5 млн. пудов хлеба, что составляло 25% всего хлеба, заготовленного в области для нужд армии. Показательно при этом, что кредитные кооперативы уже занялись посреднической торговлей, скупая хлеб даже у перекупщиков, что, по признанию инспектора мелкого кредита, приводило к возможности легкой наживы и к спекулятивному ажиотажу [191].

Особенно своеобразной была организация, складывавшаяся в деле закупки скота для армии, опиравшаяся на аппарат губернских земств. В земствах же производилась предварительная разработка твердых цен на скот в марте — апреле 1915 г. [192] В мае этот вопрос вновь обсуждался на совещаниях представителей губернских земств различных районов (Юго-Восточного, Северо-Восточного, Центрального, Доно-Кавказского и др.). Совещания высказались за сохранение за земствами и местными организациями права реквизиции скота и добивались предоставления им также права запрещать, разрешать и регулировать вывоз и вывод скота из пределов губерний. Представители земств настаивали и на том, чтобы «за земствами признали право быть не контрагентами, а агентами Министерства земледелия при закупке скота. Единодушно было высказано мнение при установлении твердых цен на скот руководствоваться рыночными ценами» [193].

Как оценить подобную организацию? При всей ее неоформленности она занимала монопольное положение при закупке скота. Бесспорно, она проводила государственную монополию, хотя и в весьма несовершенном и урезанном виде. Но какие же конкретные предпринимательские союзы стояли за этой организацией? Их вроде бы нет, но земства в период войны в известном

смысле можно рассматривать и как экономическую организацию крупных землевладельцев. Именно в их интересах осуществлялась монополизация закупок, назначались высокие твердые цены, необходимые на случай неизбежных продаж для заготовительных органов. Для них особенно важно было держать в своих руках механизм реквизиций скота, по преимуществу направлявшийся против массы крестьянства. Нет ли во всем этом выражения монопольного положения крупных землевладельцев? Не дает ли все это основание для общей характеристики природы подобных организаций (несмотря на примитивность, несовершенство структуры и недоразвитость) как государственно-монополистической? Этот вопрос нельзя решить сразу. Он требует более тщательного, специального изучения. Однако постановка его необходима и неизбежна, потому что подобное выполнение земскими и городскими органами административно-хозяйственных и по существу государственных функций в годы войны получило значительное распространение. Особенно заметной их роль была в организации снабжения продовольствием потребляющих губерний. В этом деле они выполняли значительную организаторскую работу. И чем больше обострялось продовольственное положение, тем более значительные уступки, расширяющие права земств и городов, вынуждены были делать царские власти.

Первоначально уполномоченные Особого совещания по продовольствию пытались непосредственно регулировать продовольственное снабжение на местах, создавая различные совещания, комиссии и пр. Так, московский уполномоченный учредил специально собираемое совещание-комитет из представителей всех групп торговцев, продающих муку населению. В это совещание входили и представители потребительской кооперации. На совещании производилось распределение муки между торговцами и кооперативами, рассмотрение всех прошений на имя уполномоченного о выписке муки и вынесение по ним заключений, составление планов закупок муки для всех групп торговцев [194]. Однако постепенно все более возрастает роль городских управлений и земских учреждений, которые организуют выпечку и продажу хлеба в городских лавках (Харьков, Москва и др.) и к которым начинает переходить фактическая регламентация местной торговли продовольствием. В совещаниях, существующих при уполномоченных, представителям этих учреждений, несмотря на численное меньшинство, принадлежала все большая роль [195]. Дело в том, что через городские управления и земства, а также потребительские общества все шире осуществлялись закупки для нужд местного населения. Так, все закупки продовольствия для нужд населения Московской губернии производились через сельскохозяйственный склад Московского губернского земства на капиталы, полученные от Министерства внутренних дел (1 млн. руб.)

и от Министерства земледелия (0,5 млн. руб.) [196]. В Костромской губернии закупка продуктов и образование местных запасов также осуществлялись городами, земствами и крупными кооперативными объединениями. Через них же производилось распределение продовольствия по уездам и городам [197]. В Вятской губернии распределение привозной муки среди сельского населения (50% ее общего количества) производилось кассами мелкого кредита губернского земства, продававшего ее через кооперативы. Остальные 50% передавались городам, владельцам булочных и пекарен [198].

О размахе коммерческих операций земств и городов свидетельствуют следующие цифры. Только от Особого совещания по продовольствию на 1 августа 1916 г. городам и земствам было выдано ссуд на сумму 16,5 млн. руб. Кроме того, до 15 июня 1916 г. Особое совещание гарантировало займы городов и земств в частных коммерческих учреждениях для закупок продовольствия на общую сумму около 26 млн. руб. Эти операции значительно расширились в конце 1916 — начале 1917 г. По официальным данным, на 1 апреля 1917 г. под продовольственные операции земств и городов было предоставлено гарантий государственного казначейства на 99,9 млн. руб. и поручительных писем Министерства финансов выдано на 78,2 млн. руб. [199] При быстрой оборачиваемости эти капиталы составляли весьма значительную сумму. Известные кредиты помимо городов и земств получали непосредственно кооперативы (например, в Московском народном банке).

Нет нужды особенно доказывать, что такая постановка дела была в интересах буржуазно-помещичьих кругов, контролировавших как городские управления, так и земские учреждения. Уполномоченный Особого совещания по продовольствию по Херсонской губернии, отвергая возможность использования городского самоуправления для распределения продовольствия и регулирования цен, указывал, что «в состав его входят главным образом представители торгового класса, т. е. лица небеспристрастные» [200]. И тем не менее именно городские и местные самоуправления становились фактическими центрами регламентации продовольственного снабжения на местах. Через земские и городские органы крупная буржуазия контролировала продовольственное снабжение населения. Дело в том, что, несмотря на привлечение потребительской кооперации, городские и местные органы опирались все же на частный торговый аппарат. Кооперативы, хотя и бурно развивались в этот период, не могли конкурировать с частной торговлей, обладавшей развитыми и устойчивыми коммерческими связями. Мешали развитию их операций и недостаток средств, и ограничительно-карательные акции со стороны царских властей. Царизм был вынужден «терпеть» су-

ществование кооперации и даже допускать расширение ее операций, поощрять создание новых потребительских обществ, которые составляли низовой распределительный аппарат, столь необходимый в условиях недостатка продовольствия и спекулятивного ажиотажа. Объективная потребность в кооперативах усиливалась. Поэтому вопрос о кооперативном движении неоднократно обсуждался в Особом совещании для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла в августе — сентябре 1916 г. Царские министры, вынужденные признать необходимость развития кооперации, в то же время предложили министру внутренних дел «принять меры к недопущению отклонений со стороны кооперативных учреждений от прямых преследуемых ими целей», т. е. пресекать малейшие тенденции в сторону политической деятельности [201].

Расстройство продовольственного снабжения в конце 1916—начале 1917 г. заставило царское правительство встать на путь дальнейшего расширения прав городского самоуправления. Правящие верхи признали по существу бессилие даже столичной администрации организовать продовольственное дело. Министерство земледелия не нашло иного выхода, как предложить в ноябре 1916 г. обязанности уполномоченного по продовольственному делу в Петрограде Городской думе. Последняя на заседаниях 16, 25 и 26 ноября определила следующие условия, на которых считала возможным взять на себя обязанности, лежавшие до этого на градоначальнике. «Отцы города» требовали: «1) предоставления городскому общественному управлению права организоваться для этой цели на выработанных самой городской Думой основаниях, 2) обязательного предоставления Министерством земледелия городскому общественному управлению для распределения между населением продовольственных продуктов и фуража в необходимом для нужд столицы количестве», 3) представления городскому голове прав уполномоченного Министерства земледелия [202]. Министерство земледелия отвергло это предложение, признав, что «проектируемая организация не отвечает формам, установленным законом». Поэтому Министерство предложило (поскольку проведение в законодательном порядке новых организационных форм потребует времени) избрать уполномоченного председателя Особого совещания по продовольствию и двух членов городского продовольственного совещания. Однако городская дума 2 декабря 1916 г. отклонила это предложение, настаивая на своем проекте [203]. Перед Февральской революцией организация продовольственного дела в столице фактически находилась уже в руках городской думы, решавшей вопрос о введении в Петрограде карточной системы.

Попытки создания локальных закупочных и распределительных организаций капиталистами предпринимались и в рамках

ВПК. В конце марта 1916 г. «по почину П. П. Рябушинского Московский военно-промышленный комитет предпринял попытку создать организацию, которая объединила бы представителей торговли в деле снабжения населения московского района продовольственными продуктами» [204]. 30 марта 1916 г. в продовольственном отделе Московского областного ВПК состоялось совещание, избравшее комиссию для разработки проекта указанной объединенной организации. В нее вошли как представители торговцев (Д. И. Гридин, С. С. Смирнов и др.), так и кооперации (А. М. Беркенгейм) [205]. Комиссия подготовила свои предложения о создании при Московском областном ВПК «бюро закупок и распределения продовольственных и кормовых продуктов». На очередном продовольственном совещании при ВПК было предложено бюро согласовать его работу с учреждаемым Центральным продовольственным комитетом буржуазных общественных организаций [206]. По утверждению руководителя продовольственного отдела Московского ВПК С. С. Смирнова, «Министерство не отпускало на это средства, и все начинания отдела в этом направлении пресекались в корне» [207].

Более жизненными оказались продовольственные организации, создаваемые в конце 1916 г. при Обществах заводчиков и фабрикантов Московского и Петроградского районов и при Совете съезда горнопромышленников Юга. Предпринимательские объединения вынуждены были изыскивать средства снабжения продовольствием своих рабочих и их семей. При Московском обществе был создан специальный продовольственный совет, состоявший из уполномоченных фабрично-заводских продовольственных комитетов Москвы и Подмосковья (Егорьевск, Павловский Посад, Раменки, Серпухов, Щелково и др.). Комитеты к началу 1917 г. объединяли более 100 предприятий. Они ставили своей целью «снабжение рабочего населения продуктами первой необходимости» и занимались как закупкой, так и распределением продовольствия. Численность рабочего населения, снабжавшегося через эту организацию, составляла около 300 тыс. человек [208].

Предприниматели Одессы еще в начале 1916 г. создали «Общество снабжения населения Одессы предметами первой необходимости» [209]. Киевское купеческое общество в сентябре 1916 г. образовало продовольственный комитет с оборотным капиталом в 1 млн. руб., намечавший закупку продовольствия и снабжение им населения. Комитет брался даже за размол зерна, устройство хлебопекарен и дешевых столовых [210]. В Москве торговцы, объединенные хлебной биржей, создали в конце 1916 г. торгово-промышленное предприятие «Сапомол», действовавшее в качестве контрагента Московского продовольственного комитета при градоначальнике. За зимние месяцы до Февральской революции эта

организация успела доставить в Москву свыше 2 млн. пуд. хлебных продуктов [211].

Все приведенные нами факты о деятельности в продовольственном деле различных предпринимательских организаций, органов местного самоуправления и кооперативов еще раз подтверждают оценку, которую В. И. Ленин дал на основе анализа деятельности ВПК и их взаимоотношений с царизмом. Он писал: «В действительности же даже царизм, даже «старый режим», создавая военно-промышленные комитеты, *знал* основную меру, главный способ и путь контроля: объединение населения по разным профессиям, целям работы, отраслям труда и т. п. Но царизм *боялся* объединения населения и потому всячески ограничивал, искусственно стеснял этот общеизвестный, легчайший, вполне применимый, способ и путь контроля» [212].

*

В годы первой мировой войны в России взаимоотношения предпринимательских монополий с государством при организации продовольственного дела далеко не сразу приобретали желательные для капиталистов характер и формы. В принципе это явление не было чисто российской особенностью. И в более развитых капиталистических странах руководители монополистических союзов и магнаты финансового капитала с подозрением (особенно на первых порах), сопровождавшимся словесным выражением недовольства по поводу ликвидации «свободной» торговли, относились к активному вмешательству государства в народнохозяйственную жизнь военного времени. На деле же это не препятствовало им всемерно использовать силу и мощь государственного аппарата для получения максимальных военных сверхприбылей и для «умиротворения» трудящихся. В царской России для подобных опасений имелись значительно большие основания вследствие широкого распространения практики произвольного вмешательства правительства в экономическую жизнь. Тем не менее государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела, несмотря на препятствия, создававшиеся самодержавным строем, все же прокладывали себе дорогу. Наибольшее распространение в этих условиях получила такая форма государственного регулирования, при которой вмешательство правительства в хозяйственную жизнь осуществлялось через особые государственные органы, в которых в той или иной форме к участию привлекались представители монополистических групп и финансового капитала. Они имели возможность защищать свои интересы и проводить свою линию в вопросах государственного регулирования. Распорядительные и исполнительные функции государственных органов развивались с

учетом их интересов. Какая-то часть этих функций (особенно подготовительная работа) выполнялась непосредственно в предпринимательских организациях и монополистических союзах. Такая организационная форма характеризовалась незрелостью и расплывчатостью структуры государственно-монополистических институтов, отсутствием четкости их построения. Учетно-регистрационный и распределительный аппарат развивался, и при этом весьма неравномерно, не столько в монополистических союзах, сколько в самих государственных органах («Центросахар» и др.). Показательно при этом, что представители банков и монополистических союзов больше склонялись к другой, более совершенной, по их мнению, форме государственного регулирования продовольственного дела через систему принудительных синдикатов. В этом случае учетно-регистрационный и распределительный аппарат развивался и совершенствовался по преимуществу в рамках монополистических объединений, наделенных государственными функциями. Это послужило бы дополнительным стимулом для интенсивного развития монополистического капитализма в стране, способствовало бы более эффективному упрочению его позиций.

Несмотря на борьбу этих двух тенденций, несмотря на тормозящее воздействие политических условий, государственно-монополистические органы, возникающие при регулировании продовольственного дела, все же обнаруживали, хотя и медленное, движение вперед. В сахарном производстве оно выражалось в тенденции к оформлению системы государственно-монополистических органов при государственной монополии на торговлю сахаром. В мукомольном деле также бесспорны процессы монополизации, хотя они и не получили окончательного завершения. Все более возрастала роль крупнейших частных коммерческих банков в продовольственной торговле. В связи с этим здесь также расширялся учетно-регистрационный и отчасти распределительный аппарат.

Рассмотрение государственно-монополистических тенденций при организации продовольственного дела в России в годы войны наглядно свидетельствует, что и в этой отрасли народного хозяйства, как в предпринимательских союзах, так и в государственных органах, развивался и совершенствовался учетно-регистрационный и распределительный аппарат, который мог быть использован на начальном этапе строительства первых органов управления социалистической экономикой.

[1] *Цыперович Г.* Синдикаты и тресты в России. М., 1919, с. 75—76.
[2] Торгово-промышленный Юг, 1912, 1 октября, с. 66; 1913, 15 ноября, с. 54; Промышленность и торговля, 1915, 12 декабря, с. 706—707.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 303.
[4] *Гефтер М. Я.* Из истории монополистического капитализма в России (сахарный синдикат).— Исторические записки, т. 38, с. 104—154; *Каменецкая И. М.* Из истории монополизации сахарной промышленности России (Союз рафинеров).— Ученые записки Московского финансового института, 1965, с. 49—60.
[5] *Цыперович Г.* Указ. соч., с. 77—78.
[6] Там же, с. 79—82; ЛГИА, ф. 1324, оп. 1, д. 3, л. 2; ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 761, л. 60—62.
[7] *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Гуревичов М. М.* Государственно-монополистические тенденции в России (на примере сахарной промышленности).— Вопросы истории, 1969, № 2; *Лаверычев В. Я.* Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны.— Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия, 1956, № 1; *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, и др.
[8] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 254, л. 5.
[9] Там же, д. 20, л. 1—3.
[10] ЦГИА, ф. 456, оп. 1, д. 19, л. 62.
[11] ЦГИА, ф. 457, оп. 2, д. 20, л. 11; Хлебный вестник (торгово-промышленная и справочная газета), 1915, 15 января.
[12] Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны. Пг., 1916, с. 6.
[13] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 77.
[14] Там же, д. 254, л. 5.
[15] ЦГИА, ф. 456, оп. 1, д. 18, л. 8.
[16] ЦГИА, ф. 96, оп. 1, д. 28, л. 64.
[17] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 7, л. 79—80.
[18] Продовольствие и снабжение, 1917, 1 августа, с. 24.
[19] Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Современное положение таксировки предметов продовольствия в России. Пг., 1915, с. 125—126.
[20] Главный комитет Всероссийского союза городов. Борьба с дороговизной и городские управления, вып. 1. М., 1916, с. 8.
[21] *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 150—151.
[22] Там же, с. 150—153.
[23] Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1915, отд. 1, № 230.
[24] *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 154—155, 170; Известия Московского Военно-промышленного комитета, 1916, № 25—26, с. 65.
[25] ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 3, д. 4, л. 7.
[26] ЦГВИА, ф. 12 593, оп. 36, д. 78, л. 9—12.
[27] Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи на 15 января 1916 г., а также в иностранных государствах (далее — Сведения о положении продовольственного дела). Пг., 1916, № 18, с. 35, 57—59.
[28] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 260, л. 246—247.
[29] ЦГВИА, ф. 12 593, оп. 52, д. 50, л. 1; д. 52, л. 3—4.
[30] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 254, л. 5—6.
[31] *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 166—167.
[32] ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 3, д. 4, л. 41—46.
[33] Утро России, 1916, 6 мая.
[34] ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 2, д. 57.
[35] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 95, л. 27—28.
[36] ЦГИА, ф. 32, оп. 1, д. 391, л. 151—152, 163, 181—186.
[37] ЦГАМ, ф. 255, оп. 1, д. 675, л. 78—79.
[38] Промышленность и торговля, 1916, 14 мая, с. 540.
[39] ЦГИА, ф. 456, оп. 1, д. 63, л. 7—13; Известия Московского военно-

промышленного комитета, 1916, № 19—20, с. 158—161.

40 Промышленность и торговля, 1916, 14 мая, с. 539—540.

41 ЦГАМ, ф. 1082, оп. 1, д. 250, л. 11—20.

42 Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 25—26, с. 188.

43 Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 27—30, с. 286.

44 *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 170.

45 Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 27—30, с. 286.

46 ЦГИА, ф. 456, оп. 3, д. 40, л. 1—3.

47 ГАГО, ф. 432, оп. 297, д. 131, л. 91—93.

48 ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1633, л. 114.

49 Там же, д. 1634, л. 192.

50 *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 171—172.

51 Промышленность и торговля, 1916, 20 августа, с. 124.

52 Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Отчет Совета съездов о его деятельности за 1916 г. Пг., 1917, с. 54—55, 96—99.

53 ЦГИА, ф. 456, оп. 1, д. 108, л. 15—16.

54 Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу (далее — Известия Особого совещания), 1916, № 27, с. 105—106.

55 Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 27—30, с. 17.

56 ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 70, л. 85.

57 Падение царского режима, т. IV. М.— Л., 1927, с. 72—73.

58 Там же, с. 61.

59 ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 70, л. 85.

60 Промышленность и торговля, 1916, 8 октября, с. 252.

61 Торгово-промышленный Юг, № 20—21, 1916, ноябрь, с. 5—6.

62 ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 40, д. 140, л. 14—17.

63 *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 173—174; ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 2797, л. 10.

64 Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 10; Падение царского режима, т. IV, с. 78.

65 Промышленность и торговля, 1916, 26 ноября, с. 436.

66 Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 31—32, с. 10—11.

67 ЦГИА, ф. 457, оп. 2, д. 17, л. 26—27; см. также л. 2—7, 28—33.

68 ЦГАМ, ф. 255, оп. 1, д. 659, л. 124.

69 ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 5, л. 1—64; д. 15, л. 4—15.

70 *Сидоров А. Л.* Указ. соч., с. 481—482.

71 Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 33, с. 124; Красный архив, 1925, т. 3 (10), с. 69—86; ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 29, л. 147; ЦГАМ, ф. 3, оп. 4, д. 4671, л. 4—13 и др.

72 Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 1. Продовольствие и снабжение, 1917, 15 июля, с. 3—4.

73 Подробнее см.: *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 3—4.

74 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 401.

75 ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 105, л. 2—7, 76—77.

76 Там же, д. 13, л. 124.

77 Там же, д. 88, л. 3.

78 Там же, л. 9; д. 105, л. 174; ф. 456, оп. 2, д. 6, л. 20.

79 Там же, ф. 457, оп. 1, д. 105, л. 85—86.

80 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1916 г., д. 104, т. 1, л. 102—103.

81 ЦГИА, ф. 456, оп. 2, д. 6, л. 21—24.

82 Материалы по истории СССР, т. VI. М., 1959, с. 13—45.

83 Деятельность Особого совещания по продовольственному делу и его комиссий.— Известия Особого совещания, 1916, № 25—26, Приложение, с. 77—78 (далее — Деятельность Особого совещания); ЦГИА, ф. 456, оп. 2, д. 6, л. 25—27.

84 ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 105, л. 67.

85 Деятельность Особого совещания, с. 82.

86 Там же, с. 85.

87 Там же, с. 87—88.

88 ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 105, л. 68—69.

89 Там же, л. 67—68.

[90] Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 29.
[91] Известия Особого совещания, 1916, № 27, с. 23—25.
[92] Там же, с. 23.
[93] ЦГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 153, л. 2.
[94] Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 29.
[95] ЦГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 153, л. 2—3.
[96] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 16, л. 11—15.
[97] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 94, л. 57—58, 128—131.
[98] ЦГИА, ф. 32, оп. 1, д. 314, л. 1.
[99] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 105, л. 54—65.
[100] Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 29.
[101] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 98, л. 8, 16.
[102] Известия Особого совещания, 1917, № 1 (30), с. 58—60.
[103] Известия по продовольственному делу, 1917, № 1 (32), с. 29.
[104] ЦГАОР СССР, ф. 6831, оп. 1, д. 340, л. 1—2.
[105] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 4, л. 4.
[106] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 18, л. 32—36.
[107] ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 40, д. 45, л. 108—109.
[108] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 95, л. 92.
[109] Там же, л. 93—94.
[110] Там же, л. 92.
[111] Известия Особого совещания, 1917, № 2 (31), с. 36—37.
[112] ЦГАМ, ф. 450, оп. 8, д. 1226, л. 4.
[113] Отчет о деятельности Всероссийского общества сахарозаводчиков за 1914 год. Киев, 1915, с. 13—14.
[114] Деятельность Правления Всероссийского общества сахарозаводчиков в связи с обстоятельством военного времени и необходимые меры для развития нашей сахарной промышленности. Речь уполномоченного правления М. Ю. Цехановского на общем собрании членов ВОС 28 февраля 1915 г. (Киев, 1915), с. 3, 9.
[115] Журнал заседания правления Всероссийского общества сахарозаводчиков 20 декабря 1914 г. Киев, 1915, с. 41.
[116] Журнал заседания..., 29 января 1915 г. Киев, 1915, с. 70, 73.
[117] ЦГАМ, ф. 450, оп. 8, д. 1226, л. 5.
[118] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 189, л. 32.
[119] Там же, л. 33—34.
[120] ЦГВИА, ф. 499, оп. 8, д. 131, л. 21.
[121] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 189, л. 32.
[122] ЦГИА, ф. 92, оп. 1, д. 233, л. 60—61.
[123] *Иванов Вл.* Монополизация сахарного производства государством.— Известия по продовольственному делу, 1917, № 3 (34), с. 32.
[124] Деятельность Особого совещания, с. 29—30.
[125] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 677, л. 19, 20, 71.
[126] ЦГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 156, л. 12.
[127] Сведения о положении продовольственного дела, 1916, № 18, с. 53—54.
[128] Там же, с. 54.
[129] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 5.
[130] Деятельность Особого совещания, с. 30—31; ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 155.
[131] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 49—50.
[132] Известия Особого совещания, 1916, № 22, с. 5.
[133] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 183, л. 50.
[134] Известия Особого совещания, 1916, № 22, с. 6, 18.
[135] Деятельность Особого совещания, с. 31; ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 12—13.
[136] Деятельность Особого совещания, с. 31.
[137] Там же, с. 29.
[138] Там же, с. 33—35.
[139] Там же, с. 32.
[140] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 182.
[141] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 189, л. 36.
[142] *Гуревичов М. М.* Указ. соч., с. 53.
[143] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 712, л. 4—5, 16.
[144] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 126—129.
[145] ЦГИА, ф. 92, оп. 1, д. 233, л. 60—62.
[146] Промышленность и торговля, 1916, 9 июля, с. 9—11.
[147] Промышленность и торговля. 1916, 23 июля, с. 66—69.

[148] Промышленность и торговля, 1917, 12 декабря, с. 303—304.
[149] *Гуревичов М. М.* Указ. соч., с. 46—50; *Сидоров А. Л.* Указ. соч., с. 475; ЦГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 156, л. 12.
[150] ЦГВИА, ф. 2032, оп. 1, д. 247, л. 76.
[151] *Сидоров А. Л.* Указ. соч., с. 475; *Гуревичов М. М.* Указ. соч., с. 47—49; *он же.* О некоторых формах деятельности банков в годы первой мировой войны. Сб. научных работ кафедр политической экономии вузов г. Харькова, вып. 1. Харьков, 1960, с. 222—227. В существующей исторической литературе правильно отражена общая тенденция трестирования в сахарной промышленности. Однако исследователи (в особенности М. М. Гуревичов) склонны придавать этому процессу, находящемуся все-таки на самой начальной стадии, характер известной завершенности.
[152] ЦГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 156, л. 1.
[153] Русская воля, 1917, 28 марта.
[154] ЦГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 156, л. 11—14.
[155] Русская воля, 1917, 28 марта; Биржевые ведомости, 1917, 25 июня.
[156] Промышленность и торговля, 1916, 23 июля, с. 69—70.
[157] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 648.
[158] ЦГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 2008, л. 2.
[159] Там же, д. 2132, л. 53.
[160] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 677, л. 72—73, 112—113.
[161] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 183, л. 7—8.
[162] Там же, л. 9.
[163] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 57, 61; ф. 351, оп. 2, д. 678, л. 1—75.
[164] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 204—205.
[165] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 718, л. 49.
[166] Там же, л. 94—95.
[167] Там же.
[168] Там же, д. 678, л. 6—8.
[169] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 71, л. 206.
[170] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 189, л. 1.
[171] Там же, л. 16.
[172] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 678, л. 54.
[173] *Гуревичов М. М.* Указ. соч., с. 55.
[174] *Лаверычев В. Я.* Некоторые особенности развития монополий в России.— История СССР, 1969, № 3, с. 94—95.
[175] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 183, л. 80—81, 45—48.
[176] *Дыперович Г.* Указ. соч., с. 79—82; *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974, с. 31—32; ЦГИА, ф. 457, оп. 2, д. 25, л. 54.
[177] Известия Особого совещания по продовольственному делу, 1916, № 23—24, с. 2—3; ЦГИА, ф. 457, оп. 2, д. 25, л. 55—57.
[178] Известия Особого совещания по продовольственному делу, 1916, № 27, с. 2.
[179] ЦГАДА, ф. 1278, оп. 4, д. 898, л. 1—10.
[180] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 38, л. 4.
[181] *Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России, 1914—1917 гг. Л., 1969, с. 90—91.
[182] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 761, л. 37.
[183] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 2, д. 80.
[184] ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 14, д. 47, л. 21—22.
[185] *Лаверычев В. Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России. М., 1963, с. 133—134; ЦГВИА, ф. 13 251, оп. 7, д. 59, л. 4, 9.
[186] ЦГАОР СССР, ф. 351, оп. 1, д. 250, л. 1—2, 7.
[187] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 22, л. 322.
[188] Там же.
[189] ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 179, л. 12, 48.
[190] ЦГАНХ, ф. 484, оп. 1, д. 25, л. 9—12, 19; д. 26, л. 5, 515.
[191] ЦГИА, ф. 456, оп. 1, д. 1429, л. 37—39.
[192] ЦГВИА, ф. 369, оп. 12, д. 17, л. 121, 125.
[193] ЦГАОР, ф. 934, оп. 1, д. 417, л. 19, 21—22, 27—28, 31, 37, 42—44, 48—49.
[194] Известия Особого совещания, 1916, № 21, с. 21—22.

[195] Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи на 15 января 1916 г., а также в иностранных государствах, 1916, № 16, с. 13—16 и др.

[196] Известия Особого совещания, 1916, № 25—26, с. 1—2.

[197] Сведения о положении продовольственного дела, 1916, № 16, с. 23—31.

[198] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 340, л. 1—2.

[199] Там же, д. 2, л. 54—66; ф. 6, оп. 1, д. 105, л. 202.

[200] Сведения о положении продовольственного дела, 1915, № 16, с. 26.

[201] ЦГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 679, л. 113; д. 682, л. 36.

[202] ЦГАОР СССР, ф. 6809, оп. 1, д. 3, л. 181.

[203] Там же, л. 148.

[204] Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 19—20, с. 10.

[205] ЦГАМ, ф. 1082, оп. 1, д. 255, л. 131—135.

[206] Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 21—22, с. 186.

[207] ЦГАМ, ф. 1082, оп. 1, д. 39, л. 6.

[208] ЦГВИА, ф. 369, оп. 12, д. 15.

[209] Устав Общества снабжения населения Одессы предметами первой необходимости. Одесса, 1916, с. 3—12.

[210] ЦГИА, ф. 457, оп. 1, д. 18, л. 11, 13.

[211] Торгово-промышленная Россия, 1917, № 2, с. 3.

[212] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 160.